

П А Н Д Е М И Я

ИСТОРИЯ ЭПИДЕМИЙ В РОССИИ

ОТ ЧУМЫ ДО
КОРОНАВИРУСА

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ
АЛЕКСАНДР СЕГАЛ

Пандемия

Константин Васильев

**История эпидемий в России.
От чумы до коронавируса**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 84(2)

Васильев К. Г.

История эпидемий в России. От чумы до коронавируса /
К. Г. Васильев — «Алисторус», 2020 — (Пандемия)

ISBN 978-5-907332-96-6

Первый мор, который упоминается в древнерусских летописях, в течение трех месяцев 1092 года умертвил свыше 7 тыс. жизней жителей Полоцка. В 1664–1660 годах чума погубила 700 тыс. человек. Спустя сто лет, только в Москве от чумы погибло 100 тыс. человек. В XIX веке Россия пережила 8 эпидемий холеры и потеряла 2 млн человек. В 1918–1919 годах от «испанского гриппа» в России умерло 3,4 % жителей – 3 млн человек. Одновременно еще 750 тыс. человек сгорели в тифозной горячке. Впервые подробно и достоверно рассказано о том, как смертоносные микробы, бактерии и вирусы атаковали жителей России и к каким последствиям это приводило. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-94

ББК 84(2)

ISBN 978-5-907332-96-6

© Васильев К. Г., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Часть первая. С IX века до XVI века	5
Глава 1. Краткая характеристика источников	5
Глава 2. Первые сведения об эпидемиях в Древней Руси	15
Глава 3. Эпидемии «черной смерти» (XIV век)	19
Глава 4. Эпидемии и борьба с ними на Руси в XV–XVI веках	25
Часть вторая. XVII век	41
Глава 5. Эпидемия на Руси в XVII веке	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Константин Васильев, Александр Сегал

История эпидемий в России.

От чумы до коронавируса

Часть первая. С IX века до XVI века

Глава 1. Краткая характеристика источников

Инфекционные болезни сопровождают человеческое общество на протяжении всей его истории.

Грозные эпидемии острозаразных болезней, уносивших в могилу огромное количество жертв, оставляли в памяти народов неизгладимый отпечаток. Историки медицины прошлых столетий много потрудились над сбором разнообразных материалов, отражавших влияние эпидемий на развитие культуры и науки, и хотя со многими из их выводов сейчас нельзя уже соглашаться, тем не менее нужно сказать, что эпидемии – события чрезвычайные в жизни народа – всегда привлекали внимание не только врачей, но и писателей, историков, политических деятелей. Поэтому объем материалов для создания истории эпидемии поистине колоссален. Однако ценность этих материалов с точки зрения разбираемых нами вопросов далеко не одинакова.

При использовании литературных источников, очевидно, необходимо учитывать ряд особенностей, обусловленных временем, когда они составлялись, способом собирания приводимых данных, положением и взглядами авторов. При работе над историей эпидемий в России были использованы: древнерусские летописи, архивные материалы, законодательные акты, записки путешественников и современников, географические и медико-географические описания, различные санитарно-статистические материалы и отчеты об инфекционной заболеваемости в России, а также вся доступная эпидемиографическая и специальная литература.

Необходимо остановиться кратко на характеристике основных источников.

а) Древнерусские летописи. Почти единственным источником для создания истории эпидемий в Древней Руси являются летописи. Летописи были и остаются одним из самых значительных памятников культуры древнерусского государства с его разнообразными составными частями.

При обсуждении многих вопросов из истории отечественной науки и медицины исследователь невольно придет к летописным сводам.

В настоящее время опубликованы все известные общерусские и местные, связанные с отдельными феодальными центрами, летописи.

Среди местных летописных сводов по обилию интересующего нас материала на первом месте стоят I, II, III и особенно IV Новгородские летописи и близкие к ним по местному колориту, стилю изложения и идейному направлению I и II Псковская летописи.

Под названием I Новгородской летописи в науке известен текст так называемого Синодального списка. Первая глава списка утеряна, и летопись начинается с повествования о событиях 1015 г., а заканчивается XIV веком.

II и III Новгородские летописи освещают события более позднего периода и в основном посвящены церковным делам и деятельности новгородских архиепископов.

Значительно выходит из рамок местных летописей IV Новгородская. Это по существу общерусский свод, рассказывающий не только о новгородских, но и об общерусских делах. В

нем содержится огромное количество фактического материала, в том числе по истории эпидемий и борьбы с ними на Руси.

По стилю изложения Новгородские летописи весьма сдержанны, лаконичны и в то же время обстоятельны и красочны.

К Новгородским близки по своему характеру Псковские летописи. Однако они появились значительно позднее, а поэтому подробно в них освещены только события, бывшие в XIV–XV веках.

Среди общерусских летописей XVI–XVII веков на первое место, как источник материала по истории эпидемий, нужно поставить Воскресенскую и Никоновскую летописи.

Они носили официальный характер и есть прямые указания, что во второй половине XVI века эти летописи составлялись уже не в монастырях, а при царском дворе. Особенно обширен Никоновский свод, представляющий собой огромную компиляцию из различных, сейчас уже не сохранившихся рукописей, использованных летописцем и обработанных им в духе своего времени.

Русские летописи представляют собой незаменимый источник для создания истории повальных (эпидемических) болезней в Древней Руси. Основываясь на них, можно проследить, как усложнялись, изменялись и совершенствовались мероприятия по борьбе с эпидемиями, но в то же время они сравнительно мало сообщают о характере эпидемии и взглядах на них в русской народной медицине.

Для летописцев все болезни, вызывавшие эпидемии, были «моровой язвой» или «моровым поветрием», т. е. чумой. И это вполне естественно. Достаточно вспомнить, что еще в XVIII веке врачи придерживались определения, данного Галеном: «Если какая-либо болезнь поражает на одном месте многих людей, то она называется повальной, а если от нее в то же время многие умирают, то это чума»¹. Предполагали, что некоторые лихорадки («горячки») могут переходить в чуму или являются ее легкой формой.

Поэтому об истинном характере эпидемий в Древней Руси часто можно только догадываться, строя предположения из сопоставлений различных описаний, отдельных деталей текста, обмолвок летописцев.

Некоторое значение в этом отношении имеет изучение описаний и хронологии эпидемий, бывших на территории сопредельных стран. Учитывая обширные торговые и политические связи древнерусских государств с соседними странами, легко представить, что большинство из царивших там эпидемий должны были обязательно распространиться на территорию России. Поэтому, сопоставляя описания эпидемий в соседних странах с описаниями летописцев, иногда можно с достаточной степенью вероятности предполагать об истинном характере «моров», бывших на Руси.

С большой осторожностью нужно относиться также к цифрам смертности, приводимым летописцами. Нужно принять во внимание, что точного учета умерших на Руси в те времена не существовало и приведенные летописцами цифры являются весьма приблизительными².

б) Архивные материалы. Для изучения истории эпидемий, так же как для любого исторического исследования, важными источниками являются архивные материалы. Знакомство с ними необходимо для уяснения ряда вопросов о возникновении и распространении эпидемий и мер, принимаемых для борьбы с ними. Однако вследствие того, что эти данные разбросаны в большом количестве всевозможных государственных актов, донесений, записок, отчетов и тому подобных документов, хранящихся в различных центральных и местных архивах, их изучение связано с большими трудностями. Но нужно сказать, что большинство докумен-

---

¹ Гринингер. Горячечные болезни. Т. II. СПб., 1866. С. 2.

² Подробная характеристика летописей содержится в книге: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 427–479. Полное собрание русских летописей издано Археологической комиссией начиная с 1841 г. и включает свыше 20 томов. – Прим. ред.

тов, освещающих события, связанные с большими эпидемиями – событиями чрезвычайными, в той или иной мере сейчас уже опубликованы³.

Опубликование материалов, хранящихся в русских архивах, началось в XIX веке. Большое значение имела работа Общества истории и древностей российских при Московском университете, основанного в 1804 г., а также деятельность археографической экспедиции, организованной в 1829 г., и археографической комиссии, созданной в 1834 г. В результате деятельности этих учреждений опубликовано значительное количество документальных материалов по истории России и, в частности, по истории эпидемий и медицинского дела. Археографической комиссией проделана большая работа по розыску и изданию русских летописей.

Во второй половине XIX столетия издание материалов, извлеченных из архивов, производило Русское историческое общество, а с 1903 г. – постоянная историческая комиссия Академии наук, созданная для издания актов и памятников русского законодательства. В XIX веке археографические комиссии созданы также в Киеве, Тифлисе, Вильно, а в конце века и в ряде губернских городов (губернские ученые архивные комиссии).

С точки зрения изучаемого нами вопроса, изданные этими комиссиями работы не равноценны. Большой интерес представляют труды Кавказской археографической комиссии (Тбилиси) и Киевской.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда была осуществлена централизация архивного дела в Советском Союзе, издание археографических материалов значительно расширилось. В издание были включены документы XIX и XX веков. Ряд документов, относящихся к борьбе с эпидемиями, опубликован также в историях Военного министерства и Министерства внутренних дел. Поэтому такие работы, как «Столетие Военного министерства» В. С. Кручек-Голубева и Н. И. Кульбица (СПб., 1902) и «История Министерства внутренних дел» Н. Варадинова (СПб., 1858–1862), представляют интерес не только как литературные источники, но и как источники для знакомства с некоторыми архивными материалами, использованными авторами настоящей книги.

в) Законодательные акты. Большое значение для изучения истории эпидемий в России и особенно мер борьбы с ними имеет знакомство с законодательными актами.

Законодательство является элементом надстройки и как всякая надстройка порождается базисом, т. е. экономическим строем общества, обслуживая его и соответствуя ему. Поэтому памятники законодательства прошлых веков не только свидетельствуют о проведении тех или иных мероприятий, но и являются доказательством соответствия этих мероприятий, существовавшим тогда общественно-историческим условиям жизни. Отсюда значение изучения медицинского законодательства для выяснения ряда важных вопросов истории отечественной медицины.

Изучение медицинского законодательства позволяет не только воссоздать структуру управления медицинскими делами в России и представить себе материально-правовое положение медиков, но также помогает судить об уровне медицинских знаний того времени и о степени подготовленности общества к проведению тех или иных медицинских мероприятий.

Появление в России первых законодательных актов, касающихся медицинских вопросов, относится еще ко времени Московской Руси. Сохранился ряд указов московских царей о проведении мероприятий по борьбе с эпидемиями чумы и некоторые из них (например, наказ

---

³ Уместно здесь, однако, отметить, что в наших областных и республиканских архивах имеется еще немало материалов местного значения, которые ждут своих исследователей и представляют более или менее существенный интерес для истории отечественной эпидемиологии. Ошибочное мнение о полном использовании в этом отношении архивных материалов служит одной из причин того, что среди многочисленной, за последнее время, новой литературы по истории медицины, лишь отдельные работы основаны на вновь обнаруженных архивных материалах. К сожалению, много ценных архивов погибло в пожаре Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – *Прим. ред.*

Верхотурскому воеводе)⁴ являются целой программой мероприятий по борьбе с чумой, другие же носят эпизодический характер и были изданы по какому-либо случаю. Так, указ о наказании братьев Милославских издан по поводу того, что они не известили о случаях «моровой язвы», бывшей среди их дворни.

Но особое значение и развитие медицинское законодательство приобретает в России в XVIII веке. Последнее связано с тем, что в это время вся деятельность и структура государственных учреждений в нашей стране окончательно стала регулироваться только законом⁵.

В течение XVIII века в России издавалось большое количество законодательных актов, в той или иной мере относящихся к медицинскому делу. Появление многих из них было связано с проведением противоэпидемических мероприятий.

В большинстве случаев законодательная инициатива при издании медицинского законодательства исходила, очевидно, от Медицинской канцелярии, а во второй половине XVIII века – от Медицинской коллегии. В то же время не исключено, что некоторые законы, особенно по борьбе с эпидемиями, принимались по предложению сената, часто бравшего на себя организацию этих дел как мероприятий особой государственной важности. Так, во время эпидемии чумы на юге России в 1718 и 1738 гг. сенатом были командированы туда специальные представители для общего руководства и организации мероприятий по борьбе с «моровой язвой», а в помощь им даны лекаря, очевидно, для решения уже чисто медицинских вопросов.

К XVIII веку относятся также первые попытки сбора и систематизации законодательных актов, имеющих отношение к состоянию медицинского дела в России. Так, в 1759 г. К. И. Щепину Медицинской канцелярией поручено собрать все законы и постановления о врачебном благоустройстве, подготовить и отредактировать своеобразный кодекс законов по медицинской части.

На законодательные акты ссылались первые историки медицины в России, причем В. Рихтер в приложении к своему известному труду привел ряд не опубликованных до того памятников русского законодательства, связанных с вопросами борьбы с эпидемиями и организацией медицинского дела в России в XVII–XVIII веках.

Важной вехой в сборе и систематизации памятников медицинского законодательства в России является издание в 1826 г. двухтомного труда Е. Петрова – «Собрание Российских законов о медицинском управлении... с 1640 по 1820 год включительно». Кроме вошедших в это издание законодательных актов, в приложении к нему дается список законов о медицинском управлении с указанием, где их можно найти. Этот труд является ценным пособием для изучения медицинского законодательства России XVIII века. Но наиболее полным и достоверным источником, несомненно, является «Первое полное собрание законов Российской империи» (в дальнейшем изложении обозначается: I ПСЗ).

По существующему в исторической науке мнению «Полное собрание законов» – самое значительное издание наших юридических памятников и одно из наиболее крупных собраний исторических сведений. По своему содержанию ПСЗ – источник универсальный и наряду с историей социально-экономического развития страны в нем нашла свое отражение масса других вопросов, в том числе мероприятия правительств в области медицины и борьбы с эпидемиями.

Законодательные памятники, вошедшие в состав ПСЗ, взяты составителями из различных архивов, а в основном из архива сената. Все законы расположены в строго хронологическом порядке, что позволяет легко ориентироваться в них. В некоторых случаях к актам медицинского законодательства приложены специальные инструкции, написанные, очевидно, Медицинской коллегией и отражавшие чисто медицинские взгляды и установки.

---

⁴ Акты исторические. Т. IV. СПб., 1842. С. 248.

⁵ Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. II. М., 1950. С. 319.

Созданием этого огромного собрания руководил известный государственный деятель эпохи Александра I А. А. Сперанский. Оно опубликовано в 1830 г.

В него входит:

- 1) текст законов и отдельных правовых актов – всего 40 томов;
- 2) указатель, состоящий из реестра хронологического (т. 41) и реестра алфавитного (т. 42);
- 3) книги штатов и тарифов (тт. 43–45);
- 4) книга чертежей и рисунков (т. 46).

Вслед за первым было предпринято издание второго собрания законов в виде продолжения. Оно составляло 55 томов и включило все законы по 1881 г. В третье собрание вошли законы, изданные после 1881 г.⁶

г) Записки путешественников и географические описания. Некоторые данные об эпидемическом состоянии России в прошлые века содержатся также в записках путешественников и географических описаниях. Сохранились многочисленные сказания иностранцев, посещавших Московское государство еще в XV, XVI, XVII столетиях. Некоторые из них долго жили в Москве и оставили подробные записки обо всем, что там видели.

Московская Русь XV века описана в сочинениях Гильбер де Ланноа, Иосафата Барбаро, Амброджио Контарини; XVI века – в сочинениях Сигизмунда Герберштейна, Ричарда Ченслера, Антония Дженкинсона, Джерома Горсея, Джайлса Флетчера, Александра Гваньини, Шлихтинга, Траубе и Крузе, Штадена; XVII века – в сочинениях Жака Маржерет, Конрата Буссова, Исаака Масса, Петра Петрея, Адама Олеария, Августина Мейерберга, Яна Стрейса, Павла Алеппского, Якова Рейтенфельса, Иогана-Георга Корба, Патрика Гордона.

Сочинения иностранцев о Московии были предметом специальных исследований и хорошо комментированы⁷. В сказаниях иностранцев содержится много данных о Московской Руси. В отличие от летописей в них часто упоминаются бытовые детали, подробно описываются города, встречаются и описания эпидемий и мер борьбы с ними.

Однако используя эти сочинения в качестве источников, нужно помнить, что они изобилуют преувеличениями и различного рода вольными и невольными ошибками. Авторы их, желая иногда сделать свои сочинения занимательными, не скупились на всевозможные небывалые и, кроме того, не зная языка, допускали ошибки, нередко путали названия населенных мест, даты и факты. Нужно также помнить, что далеко не все иностранцы были беспристрастными в своем описании. По своему положению, воспитанию, взглядам часть из них была откровенно враждебна Московскому государству, отсюда – необъективность в суждениях, нарочитое желание подчеркнуть «варварство» и «дикость» русского населения. Тем не менее сказания иностранцев являются важными источниками для создания истории медицины в допетровской Руси, хотя многое в них нужно принимать с оговоркой.

К XVIII веку относится появление записок, сделанных уже отечественными путешественниками и наблюдателями.

Во второй половине XVIII века, в связи с дальнейшим экономическим подъемом России, возникла потребность всестороннего изучения географических особенностей страны. Исключительное значение в этом отношении сыграли академические экспедиции 1768–1774 гг., в

---

⁶ В I Полном собрании законов помещено 30 920 различных законов и распоряжений, начиная с 1649 г., т. е. действовавших при царе Алексее Михайловиче, но уходящих своим началом ко времени Иоанна Грозного, и по декабрь 1825 г. Текст является точным изложением подлинных актов с указанием года, дня и месяца издания, но заглавия каждого акта формулировались уже составителями собрания соответственно канцелярскому стилю изложения первых десятилетий XIX века. Все три собрания (последнее заканчивается манифестом о начале войны с Германией 1914 г.) представляют собой 223 огромных тома, в 100–180 печатных листов каждый, с мелкой печатью в два столбца (об этом собрании см. также: *Петров Б. Д.* // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1955. В. 7. С. 98–103). – *Прим. ред.*

⁷ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. СПб., 1866 (и ряд других изданий книги).

результате которых «Академия, можно сказать, открыла всему свету новую часть мира – Россию»⁸.

Исследованиями была охвачена огромная территория: все центральные губернии, Кавказ, Урал, Западная и Восточная Сибирь. Руководство отрядами экспедиции было возложено на молодых, но талантливых ученых: оренбургскими отрядами руководили И. И. Лепехин, П. С. Паллас и И. П. Фальк, астраханскими – С. Г. Гмелин и И. А. Гюльденштедт. В инструкции, данной им Академией наук, между прочим, говорилось: «Изыскание и наблюдение разъезжающих испытателей натуры касаться должно вообще до следующих предметов, а именно:... до описания особливых болезней в той стране обыкновенно случающихся, также до скотских падежей, ежели где бывает о сих болезнях и падежах примечать, какие в тамошних местах против оных употребляют средства, или какое бы, по их мнению, можно было употреблять с успехом, а вообще примечать, чем крестьяне и другие языческие народы себя лечат от всяких болезней».

По возвращении из экспедиций П. С. Паллас, И. И. Лепехин, С. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт составили объемистые описания своего многолетнего путешествия. В этих описаниях собран огромный материал о нашей родине, как она выглядела в XVIII столетии, в частности, там содержатся интересные указания о распространении болезней и состоянии медицинского дела. Правда, эти указания разбросаны среди многочисленных сведений самого разнообразного характера и часто отрывочны, но по своей достоверности они стоят на одном из первых мест среди источников для воссоздания картины эпидемического состояния страны.

Непосредственно к описаниям путешествий, сделанных членами академических экспедиций, примыкают географические и исторические исследования типа «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова, а также топографические описания отдельных губерний. Появление подобных описаний в России относится к концу XVIII века.

В 1777 г. московский и воронежский губернаторы доставили в сенат описание своих губерний. Рассмотрев их, сенат в специальном указе отметил: «...А как таковые описания желательно было бы иметь и по всем губерниям, то сенат об оном уведомляет для того, что не употребят ли и других губерний г. г. начальники своего старания к собиранию и доставлению в сенат равномерные сведения...»⁹.

С призывом о составлении подобных описаний выступила и Российская академия наук (1763).

Вскоре появились одно за другим историко-топографические описания Саратовского, Тобольского, Симбирского, Калужского, Тамбовского, Вологодского, Курского, Харьковского наместничества, Владимирской и Воронежской губерний, а также ряд других¹⁰. Примером такого рода исследования может быть труд А. Ф. Шафонского (1786) «Черниговского наместничества топографическое описание» (издано в Киеве лишь в 1851 г.).

Как правило, в подобных сочинениях вопросы здравоохранения задевались вскользь, а часто вообще опускались, но для создания более ясного представления об эпидемическом состоянии России знакомство с ними весьма полезно. С этой же точки зрения представляют интерес и появившиеся в XIX веке географические описания Российской империи и ряд статистических сборников о России (Е. Зябловский, К. Арсеньев. В. Ливром и др.).

д) Медико-географические описания. Обширные материалы по интересующим нас вопросам содержатся в медико-географических, или, как их часто называли, в медико-топографических описаниях. Их появление в России относится к XVIII веку.

---

⁸ Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1946. С. 334.

⁹ ПСЗ. Т. XX. № 14 671.

¹⁰ Кратко описаны в книге: Никитин Н. П. Вопросы географии: сборник 17. М., 1950.

Одно из первых известных описаний касалось города Кизляра и было составлено в 1736 г. по поручению и инструкции директора Медицинской канцелярии П. З. Кондоиди В. Гевиттом.

Первое время описания составлялись без особой программы по собственной инициативе авторов.

Медицинская коллегия поощряла составление медико-географических описаний, а в инструкции, приложенной к указу об учреждении в губерниях медицинских управ, было предусмотрено, что должностные лица управы должны составлять «...физическое и топографическое описание всей губернии с подробным изъяснением того, что паче всего является в часть врачебную».

Особенно много медико-географических описаний появилось в России в XIX веке. Был предложен ряд программ для их составления (программа Русского географического общества, Военно-медицинского департамента, Петербургского, Киевского, Калужского, Курского, Кавказского общества врачей). Эти программы сильно отличались друг от друга по своему размеру и кругу вопросов, но все они предусматривали собирание статистических данных об инфекционных заболеваниях и распространении эпидемических болезней.

По данным Б. С. Сигала, до 1870 г. в России было опубликовано 92 медико-топографических описания¹¹. Но на самом деле таких описаний было больше, так как часть из них опубликовывалась в местных «Губернских ведомостях».

По своей научной ценности медико-топографические описания являются весьма разнохарактерными сочинениями. Одни исследователи уделяли большее внимание физико-географическим вопросам, другие – социально-экономическим условиям жизни населения. Среди них встречаются также работы, содержащие значительное количество статистических материалов, в том числе данных о распространении инфекционных болезней.

Несмотря на некоторые недостатки, медико-географические описания являются важным источником для создания истории эпидемий в России. В них собран разнообразный материал о заболеваемости, санитарно-гигиенических условиях жизни населения, организация медицинской помощи и эпидемическом состоянии отдельных районов страны.

Особый интерес эти описания приобрели во второй половине XIX века, когда среди них появились специальные исследования о географическом распространении инфекционных болезней и причинах их эпидемичности в определенных районах. Такие работы, как сочинения Н. И. Торопова, Г. Н. Минха и др., имели исключительное значение в формировании отечественной эпидемиологии и развитии учения об инфекционных болезнях в России.

е) Отчеты медицинских учреждений. В конце XIX века в России была введена в практику публикация отчетов о состоянии медицинской помощи населению страны.

С 1876 г. Медицинский департамент Министерства внутренних дел, а в XX столетии Управление главного врачебного инспектора стали публиковать отчеты, представляемые ими министру внутренних дел. Эти отчеты помещались в официальном органе Медицинского департамента (до 1892 г.), а затем выходили в виде отдельных изданий¹². С 1889 г. в них были

---

¹¹ См. статью Б. С. Сигала в сб.: Вопросы гигиены. Л., 1949. В. 1.

¹² Печатный орган Медицинского департамента Министерства внутренних дел, явившийся основным органом гигиенической и эпидемиологической мысли в дореволюционной России, издавался под разными названиями, меняя свою структуру: Архив судебной медицины и общественной гигиены (1865–1871, 4 раза в год) с приложением ежемесячного «Эпидемиологического листка» в 1870–1871 гг.; Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике (1872–1881, 3 раза в год); Вестник судебной медицины и общественной гигиены (1882–1888, 4 раза в год); Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины (1889–1917, ежемесячно). Редакторами этого очень ценного для истории отечественной медицинской мысли периодического органа (наряду с другим официальным изданием – Военно-медицинским журналом с 1823 г.) были видные гигиенисты и эпидемиологи: С. П. Ловцов (1806–1876), Г. И. Архангельский (1837–1899), М. И. Галанин (1852–1896) и др. Об «Эпидемиологическом листке» см.: *Бессмертный Б. С. // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии*. 1957. В. 10. С. 108–113. Еще более ранние официальные сведения о распространении различных заболеваний в России печатались нерегулярно в журнале Министерства внутренних дел. – *Прим. ред.*

включены обширные таблицы, содержащие цифровые данные о движении населения, числе зарегистрированных больных, в частности о числе заболевших заразными болезнями и числе оспопривитых по отдельным губерниям и областям Российской империи. В отчетах за 1893–1914 гг. (отдельные издания) приводятся также довольно подробные описания имевших место в эти годы эпидемий чумы, холеры, паразитарных тифов, оспы.

Официальные данные, публикуемые Медицинским департаментом царской России, неоднократно подвергались справедливой критике и, очевидно, являются далеко неточными и неполными.

Первичными источниками для отчетов о заболеваемости населения были донесения уездных лекарей и полицейских врачей, не имевших для их составления ни времени, ни охоты, и поэтому представляемые ими данные были весьма приблизительны. Однако цифры, содержащиеся в официальных отчетах, являются единственными сводными данными о количестве инфекционных больных в России в конце XIX и начале XX столетий. Уже сам объем этого материала в известной степени искупает неизбежные при его сборе ошибки. И хотя, взятые порознь, за отдельные годы или по отдельным губерниям, эти цифры не представляют, по-видимому, особой ценности, тем не менее при использовании этих данных за ряд лет или десятилетий можно установить известные закономерности в движении инфекционной заболеваемости в стране и представить общую эпидемическую картину.

Нужно также отметить, что в последние десятилетия качество официальных отчетов несомненно улучшилось. В этом отношении благоприятно сказался общий прогресс санитарной статистики в России и деятельность городских и земских врачей. Так, в конце XIX века регулярно стали разрабатывать данные об инфекционной заболеваемости в Санкт-Петербурге. Здесь с 1881 г. во главе статистического отдела городской управы оказался крупный знаток статистики Ю. З. Янсон, очень много сделавший для упорядочения статистики заболеваемости и смертности в городе.

После создания земских санитарных организаций они также стали заниматься сбором и обработкой статистических данных, печатая их в своих отчетах. Сводные данные о распространении острозаразных болезней в 19 земских губерниях за 1899–1902 гг. содержатся в работах К. И. Шидловского. По своему объему материалы, опубликованные земскими врачами, значительно уступают отчетам Медицинского департамента, но по тщательности обработки и достоверности несомненно превосходят их.

Интерес представляют также «Отчеты о санитарном состоянии русской армии» (1889–1913), ежегодно публиковавшиеся в Военно-медицинском журнале¹³.

¹³ К числу такого рода изданий относятся также: «Отчеты о состоянии здоровья на флоте (1869–1912), «Медицинские отчеты по ведомству императрицы Марии» (1891–1915). «Отчеты Общества борьбы с заразными болезнями в Санкт-Петербурге» (1898–1916), а также материалы, помещавшиеся в «Трудах (с 1891 г. в «Журнале...») Русского общества охранения народного здоровья» (1884–1917). Ценный и обильный материал о распространении инфекционных заболеваний и о борьбе с ними по отдельным губерниям и областям помещен в периодических изданиях губернских санитарных организаций («Врачебно-санитарная хроника...», «Санитарный обзор...», «Санитарный листок...» и пр.) начавших печататься с конца 80-х годов. Врачебные общества, организованные сначала в университетских городах – центрах медицинской мысли, а затем почти во всех губернских и областных городах, помещали в печатавшихся ими «Протоколах заседаний» и «Трудах» ценные сведения об эпидемических заболеваниях (в этом отношении особенно выделяются издания, кроме Петербургского и Московского общества, также Казанского, Астраханского и Кавказского медицинских обществ). Исключительно важный эпидемиографический материал имеется в «Дневниках» и в «Трудах» различных врачебных съездов как губернского, так и всероссийского значения, в особенности же съездов «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова» (так называемые «Пироговские съезды»: I – в 1885 г., XII – в 1913 г.; см. *Казанская Ю. А.* Вопросы борьбы с эпидемиями на Пироговских съездах // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1956. В. 5); организовывались также съезды русских естествоиспытателей и врачей (I – в 1868 г., XIII – в 1913 г.). Особого внимания заслуживают специальные съезды и совещания по борьбе с холерой (Пироговский съезд по борьбе с холерой в 1905 г., Поволжский областной противохолерный съезд в 1910 г. и др.), с чумой (съезд участников противочумных мероприятий в Астраханской губернии и Уральской области в 1910 г., в Иркутске в 1911 г., по борьбе с чумой и сусликами – в 1914), с дифтерией (в Харькове в 1881 и 1889 гг., в Казани в 1896 г.), с различными эпидемиями (областные съезды юга России по борьбе с эпидемиями в 1910 и 1913 гг.) и др. Наконец, много материалов имеется в отчетах, печатавшихся медицинскими журналами, о совещаниях по вопросам бактериологии в эпидемиологии (1911, 1912

ж) Эпидемиографическая и специальная литература. В заключение нужно остановиться еще на одном важном источнике для создания истории эпидемий в России – эпидемиографической литературе.

Первые эпидемиографические сочинения появились у нас в XVIII веке, но особенно много работ такого рода было опубликовано в XIX веке. В них содержится обычно краткое описание случаев острозаразных заболеваний, которые наблюдал автор, и приводятся данные о степени их распространения. Некоторые из этих сочинений были, несомненно, оригинальными эпидемиологическими исследованиями. Авторы их не ограничивались рамками документального описания наблюдаемых эпидемий, но на основании эпидемиологического анализа старались объяснить закономерность эпидемического процесса и рекомендовать меры борьбы.

Такие основательные и оригинальные по своему содержанию труды, как «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год» А. Ф. Шафонского, «Трактат о повально заразительной болезни холере в России в 1830 и 1831 году», составленный А. С. Венедиктовым, И. Е. Дядьковским, М. Я. Мудровым и Л. Я. Нагумовичем, как и последующие работы о холере Г. И. Архангельского, о чуме и проказе Г. Н. Минха и пр., были важными вехами на пути развития отечественной эпидемиологии.

Кроме этих крупных работ и монографий, в медицинских периодических изданиях XIX века публиковалось также большое количество статей и докладов врачей, содержащих сообщения об отдельных эпидемиях и описания случаев инфекционных заболеваний. При всей конспективности этих работ и трудности их анализа, они тем не менее представляют большой интерес, так как позволяют восстановить картину распространения инфекционных болезней в стране и хода эпидемий в XIX веке. Последнее тем более важно, что в России почти до середины XIX столетия по существу отсутствовала регистрация инфекционных больных, а в отчетах губернских врачебных управ первой половины столетия вместо описания эпидемий часто можно встретить лаконичные записи: «Осенью сего года в уезде свирепствовала повальная лихорадка» или «лихорадка с пятнами», но ни количества заболевших, ни описания картины болезни обычно не приводилось. Поэтому эпидемиографическая литература является важным источником для создания истории эпидемий в России, особенно первой половины XIX века.

Непосредственно к эпидемиографическим сочинениям примыкают работы типа монографий, посвященные отдельным инфекционным болезням. Характерной особенностью этих работ, выгодно отличающихся от многих современных монографий, было обязательное присутствие большого раздела истории изучения и распространения изучаемой болезни. Естественно, что рассматривая эти вопросы, авторы касались также и истории взглядов на происхождение эпидемий и мер, принимаемых при их возникновении в прошлом. Поэтому такие монографии, как исследования Г. И. Архангельского о холере, И. А. Веревкина, В. О. Губерта, Н. Ф. Гамалеи об оспе, Ф. А. Дёрбека, М. И. Галанина, Д. К. Заболотного о чуме, Г. Н. Минха о чуме и проказе, В. В. Фавра о малярии и многие другие, имея большое значение для изучения различных сторон инфекционной патологии человека, являются выдающимися историко-эпидемиологическими исследованиями в мировой литературе.

До революции создан также ряд крупных работ по истории эпидемий. Из них следует назвать труды Л. Е. Павловской, М. Ю. Лахтина, Н. Устинова, Н. К. Шепотьева, В. Эккермана и ряд других. Это довольно обширные исследования, освещающие историю эпидемий и меры борьбы с ними в нашем отечестве за тот или иной период. Многие из них интересны не только как собрание большого количества фактов, но и то, что хорошо отражают общий уровень эпидемиологических взглядов своего времени. Однако именно поэтому большинство сделанных

и 1914) – предшественниках многочисленных Всероссийских съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей в советское время (1 – в 1918 г.). – *Прим. ред.*

авторами выводов нельзя в настоящее время принимать безоговорочно, а ряд фактов требует основательной проверки и уточнения в свете современных данных.

Некоторые материалы по истории отечественной эпидемиологии содержатся и в дореволюционной историко-медицинской и биографической литературе. Однако нужно оговориться, что подавляющее большинство авторов того времени исходили из господствующих тогда антиисторических и метафизических представлений.

Историки медицины XIX века собрали и пустили в оборот огромное количество фактов, и поэтому значение их работ трудно умалить. Такие капитальные исследования, как труды Л. Ф. Змеева и Я. А. Чистовича, и до наших дней являются настольными книгами и незаменимыми справочниками для каждого историка отечественной медицины независимо от того, каким бы разделом ее он ни занимался¹⁴. При изучении истории русской медицины XVII–XVIII веков известный интерес, как собрание большого количества фактов, представляет также сочинение Рихтера. Хотя общеметодологическая установка его работы сейчас осуждена, тем не менее фактический материал, собранный автором, в ряде случаев не потерял своего значения. Из медицинской биографической литературы следует упомянуть, кроме сочинений Л. Ф. Змеева и Л. Чистовича, также работы И. Брензона, В. Б. Загорского, М. С. Уварова, собравших обширный материал о жизни и деятельности отечественных врачей XVIII–XIX веков.

Только после того, как в нашей медицинской науке утвердился марксистский принцип исторического подхода к изучению всех предметов, событий и явлений в их возникновении и развитии в связи с конкретными историческими условиями, породившими их, стало возможным создание истинной и полной истории отечественной медицины.

---

¹⁴ Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. В. 1–5 и 3 дополнения, СПб., 1886–1892 (недостатком этого известного библиографического труда надо признать отсутствие в нем упоминаний о врачах с нерусскими фамилиями, хотя и работающими в России); Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883 (в этом не менее основательном труде имеется подробный «Алфавитный список докторов медицины практикующих в России в XVIII столетии»). Основные персональные сведения обо всех врачах, работавших в России, печатались в официальном ежегодном «Российском медицинском списке» выходившем в свет с 1809 по 1916 г. включительно. К этим справочникам надо добавить современное обширное библиографическое издание: *Российский Д. М. История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения*. М., 1956. – *Прим. ред.*

Глава 2. Первые сведения об эпидемиях в Древней Руси

Первые достоверные сведения об эпидемиях на Руси относятся к XI веку, т. е. к временам создания первых древнерусских летописей.

В то время на территории будущей Европейской России существовало уже древнерусское государство, объединенное под властью киевских князей. Создание этого государства было обусловлено развитием феодальных отношений и явилось результатом длительного процесса социально-экономического развития. С возникновением Киевского государства начинается объединение восточных славян в единую древнерусскую народность; растут города, являющиеся ремесленными и торговыми центрами, развивается торговля. Создается самобытная культура. С расширением феодальных землевладений основная масса сельских производителей – смердов, вовлекается в феодальную зависимость, а вместе с тем растет и их эксплуатация. Народные массы отвечают на это рядом стихийных выступлений (восстание смердов в Суздальской земле в 1024 г., движение новгородских горожан, восстание «простой чади» в Киеве в 1068 и 1113 гг.). Эти выступления побуждают феодалов пойти на некоторое ограничение эксплуатации. Однако положение низших и самых многочисленных классов Киевского государства остается по-прежнему тяжелым. Большие разорения и тяготы причиняют многочисленные войны и набеги соседних кочевых народов. Отсюда нередкие «глады», т. е. голодные годы, после неурожая или войны.

Развитие торговых связей и нарушение экономической замкнутости отдельных районов страны в значительной степени способствовали быстрому распространению инфекционных болезней; частые «глады» подготавливали почву для возникновения эпидемий. В древнерусских летописях содержатся многочисленные указания и о «морах», т. е. возникавших на территории Древней Руси эпидемиях. Однако отдавая должное усердию русских летописцев, оставивших нам описания этих эпидемий, нужно сказать, что сделать какой-либо эпидемиологический анализ по их данным не представляется теперь уже возможным прежде всего потому, что совершенно неясно, о каких болезнях в летописях излагаются сведения. Все попытки расшифровать, какая инфекционная форма вызывала тот или иной «мор», носят в значительной степени гипотетический характер и являются лишь более или менее хорошо согласуемыми с современными взглядами догадками.

Поэтому мы приводим описания моров в том виде, как они сохранились в древнерусских летописях, не беря на себя смелость делать какие-либо далеко идущие эпидемиологические предположения и ограничивая свою задачу более скромными рамками – рассказать об эпидемиях, бывших на Руси, и мерах, принимаемых для борьбы с ними.

Первое достоверное указание о появлении какой-то эпидемической болезни относится к 1060 г. В этом году среди «торков» – кочевников, живущих в Причерноморье, разразился мор. Летописец писал: «В сем же лете Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав, совокупивше вой бесчислены, поидоша на коних и в лодях, бесчислено множество, на Торки. Се слышавше Торци, убояшася, пробегоша... и помроша бегающе... ови от зимы, друзии же гладом, ини же мором»¹⁵. Болезнь не была занесена в русские города, а поразила только войска князей, ушедших в поход.

В 1092 г. описана эпидемия, появившаяся вначале в Полоцке, а затем в Киеве. Летом этого года была страшная засуха: «В се лето ведро бяще, яко изгораше земля и мнози борове (леса) възгорахуся сами...», и люди стали «умираху различными недугыи».

Летописец так описывал болезнь: «Предивно бысть Полотьске:...бывше в нощи тутън (туман), станяше по улици, яко человеци рищюще беси; аще кто вылезяше из хоромины, хотя

---

¹⁵ Лаврентьевская летопись. С. 70.

видети, абые уязвен будяше, невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором, по семь же начата в дне являтися на коних, и не бе их видети самех, по конь их видети копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область»¹⁶.

В Киеве от болезни умерло «от Филипова дне (14 ноября) до мясопуста (7 февраля) 7 тысячи...»¹⁷. О характере болезни судить трудно. Эккерман (1884) высказал предположение, что это был «антонов огонь» – *Ignis persicus* или *Ignis sacer*. Болезнь приблизительно в это же время описана в Западной Европе. Клинически она выражалась судорогами и гангренозными поражениями разных органов и тканей. Иногда вследствие гангрены отпадали целые конечности и у больного оставались лишь голова и туловище.

По мнению современных исследователей, «антонов огонь» представлял собой отравление спорыньей.

В 1128 г. был великий «глад и мор» в Новгородской земле. Летописец отмечал: «Осминка ржи по гривне баше, и ядаху люди лист липов, кору березову... ипии ушь (ужей), мьх (мох), конину, и тако другим падшим от глада, труппе по улицам и по търгу и по путъм и всюду; наяша наймиты возити мъртвья из города; а смородм нелга вылезти (т. е. от смрада нельзя выйти), туга беда на всех отец и мати чадо свое въсажаше в лодью даром гостъм (купцам), ово их измъроша, а друзии разидошася по чюжим землям и тако, по грехом нашим, погыбе земля наша»¹⁸.

При описании этого мора летописцы впервые указывали, что в Новгороде были наняты особые люди, чтобы хоронить за городом тела погибших от заразной болезни.

О характере эпидемии сведений нет.

В соседних странах: Польше, Лифляндии – в то время эпидемии не были описаны.

В 1153 г. была какая-то эпидемия и эпизоотия в войске великого князя Юрия: «Поиде Гюрги с Ростовци, и с Суждалци, и со всеми детми в Русь, и бысть мор в коних во всех воих его, акъже не был николиже»¹⁹.

Следует сказать, что Ипатьевская и Воскресенская летописи говорят лишь о падеже коней, не упоминая об эпидемии среди воинов.

В 1158 г. эпидемия и эпизоотия свирепствовали в Новгороде: «Мор бысть мног в Новгороде в людех и в конех, яко нельзе баше дойти торгу сквозе город, ни на поле выйти, смрада ради мертвых; и скот рогатый помре»²⁰ Тверская.

В 1162 г. голод и болезни снова опустошали Русь: «И на осень ту возсташа мрази велици зело, зима не бысть вся тепла, и дожди велици, и млениа (молнии), и громы страшни зело, и множество человек избиваху, кадь же ржи бываше тогда по рублю и по сороку алтын, и бысть в людех скорбь (болезнь) и печаль велиа, а плачь неутолим»²¹.

Следующие сведения об эпидемии на Руси датированы 1187 г. На этот раз летописцы упоминают только о болезнях без «глада»: «Бысть болеть силна в людех вельми, не баше бо ни единого же двора без болнаго, в ином дворе не баше кому воды подати»²². Ф. А. Дёрбек отметил, что на этот раз в летописях говорится о повальном заболевании, но ничего не упоминается о смертности, очевидно, течение болезни было легким.

Эпидемия началась в Новгороде и распространилась на многие города Руси. В Западной Европе приблизительно в это же время описаны большие эпидемии гриппа (Шнуррер). В 1180–

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Новгородская I летопись. С. 5 (упоминает также Ипатьевская летопись. Новгородская IV, Воскресенская).

¹⁹ Лаврентьевская летопись. С. 146.

²⁰ Тверская летопись. С. 226.

²¹ Лаврентьевская летопись. С. 146.

²² Там же. С. 101–102.

1181 г. в Германии поварные болезни уничтожили будто бы половину населения. В 1185 г. эпидемия свирепствовала в Испании.

Судя по тому, что эпидемия началась в Новгороде, бывшим в то время как бы воротами, через которые Русь сообщалась с остальной Европой, можно думать, что болезнь была занесена с Запада. Весьма возможно, что это был грипп.

В 1229 и 1230 гг. голодом была поражена почти вся Русь (исключая Киев); в 1229 г. «того же лета глад бысть по всей земле, и простресея три лета... и помре множество людей»²³.

В 1230 г. «И поиде дождь от Благовещения до Ильина дни, днь и ношь, и возста студень, и быша мрази велици, и поби всяко жито, и купиша хлеб по осми куп, а четверть ржи по 20 гривен... и бысть мор в людех от глада велик, яко не мощи и погребати их... Глад же наипаче простресея... по всей земли Русской, точию кроме едина го Киева, и толико гнев божий бысть, яко не точию мертвыя человеки ядыху, но и живыя человеки друг друга убиваху и ядыху, а еже конину, и пси, и кошки и иная таковая, где кто налез, ядыше, инии же мьх, и сосну и илем, и кору липовую... ядыху. Злии же человеци, где аще слышаху у кого жито, силою прихожаху в место такое, грабяху и убиваху... и помроша люди по всей земле, имже не бе числа. Сие же бысть по два лета».

Подробно описан «глад и мор» 1230 г. в Царственной летописи: «И купиша хлеб по осми кун, а четверть ржи по 20 гривен Новгородских, а в иных местах сельских четверть ржи по 30 гривен, а пшеница по 40 гривен Новгородских... и бысть мор в людех от глада велик, яко не помозу и погребати их. Глад же наипаче простресея не точно кроме Киева».

Летописец прямо указывает на связь мора с «гладом». Под словом «мор» здесь, возможно, подразумевается смерть от голода наряду со смертью от эпидемии. О характере последней можно высказаться лишь предположительно. Ввиду связи ее с «гладом» это скорее всего сыпной тиф. Не исключена, конечно, возможность, что наряду с ним имел место и брюшной тиф.

В это же время был голод, и разразилось моровое поветрие в Новгороде: «И постави архиепископ Спиридон скудельницу (братскую могилу)... на Прусьской улице, и пристави мужа блага... возити мъртвыя на кони, кде обидуце по городу; и тако безпрестани по вся дни влачаше, и наполни до върха, иже бысть в ней числом 3000 и 30... и поставите другую скудельницу на поле, коньч Чюдиньчеве улицы, и бысть та пълна, в нейже числа несть; а третью поставиша... за святым Рожьством (церковью), и та же бысть пълпа; в ней же числа несть».

В этом летописном сказании обращает на себя внимание то, что нанимали «мужа блага», чтобы подбирать мертвых на улицах и хоронить их.

В 1230 г. появилось в Смоленске моровое поветрие, которое за 2 года унесло 32 000 человек: «В Смоленське сътвориша 4 скуделници в дву положиша 16 000, а в третьей 7000, а в четвертой 9000; се бысть зло по два лета».

В XIII веке русский народ подвергся тягчайшим испытаниям – порабощению татаро-монгольскими завоевателями. Татарское иго было подготовлено феодальной раздробленностью русского государства, непрерывными распрями князей за власть и территорию. Это разорило и ослабило страну.

«Погибали люди русские
От раздоров – споров княжеских».

(«Слово о полку Игореве»)

Русский народ, приняв главный удар татаро-монгольских орд, спас Западную Европу от разорения и угнетения, заплатив за это полной мерой: неслыханными тяготами, сотнями

²³ Никоновская летопись. С. 88.

сожженных городов и сел, вытоптаннами полями, тысячами тысяч рабов на невольничьих рынках Востока.

Летописи сохранили лаконичные, но полные драматизма описания татарского нашествия: «Татарове же взяша град их Рязань... и пожгоша весь, а князя великого Юрия Ингворовичя убиша, и княгиню его и иных князей побиша, а мужи их, и жен, и детей, и черныца, и черницы и ерея емше, овых разсекаху мечи, а других стрелами состреляху и во огонь вметаху, а иныя емлюще вязаху, и груди возрезываху, и жолчь гымаху, с ыных кожи одираху, а иным иглы и щопы за ногти биаху, и поругание черницам и попадаям, великим же княгиням, и болярыням, и простым женам и девицам пред материи и сестрами творяху».

Взяв в 1237 г. Рязань, татарские орды рассыпались по всей русской земле: «Инии взяша Ростов, а инии Ярославль... а инии взяша Городец, и по Волзе вся грады поплениша и до Галица Мерскаго, а инии взяша Юрьев, и Переславль, и Дмитров, и Тверь, и Кашин, и Волок, и Коснятин, и вся поплениша даже и до Торжку, и несть нигде же места, где не воеваша, и взяша во един февраль месяц 14 градов... Бе же пополох тогда зол. По всей земли, сами бо себе людие не ведаху кто где бежит от страха»²⁴.

То, что пощадили татарские мечи и пламя, стало добычей «глады и мора».

Голодовки и эпидемии отмечались на Руси в течение всего XIII века. В 1265 г. в Пскове «мор бяше на людех», а по Густинской летописи, был также «велик мор на скотех».

В 1278–1279 гг. «Мнози человери умираху различными недуги»

В 1282 г. «Бяше глад крепок, яко и дети своя ядыху»²⁵.

В 1283–1284 гг. во время осады татарами городов Подолья, Волыни и Польши среди осажденных вспыхнула какая-то эпидемия, указания о которой содержатся только в Ипатьевской летописи. Судя по короткому сообщению летописца, эпидемия вспыхнула сначала в осажденном городе: «Измре в городех во остою бесчисленное множество», а затем в окружающих селах, куда бежали горожане «по отшествии безаконных Агарян» (т. е. татар)²⁶.

В 1286 г. снова была эпидемия на Руси, причем появление ее летопись связывает с чародейским отравлением татарами колодцев: «Многа же зла тогда сотвориша Руской земле... аще не мечем и не огнем... но чарами своими: иземше бо сердце человеческое мочаху во яде аспидном и полагаху в водах, и от сего воды вся в яд обратишася, и аще кто от них пияше, абие, умираше, и от сего великий мор бысть во всей Руской земле»²⁷.

При всей наивности подобного объяснения это – первое указание в русских летописях на возможность возникновения болезни вследствие загрязнения воды и первая попытка объяснить появление эпидемий более или менее материальными причинами, до этого все эпидемии объяснялись летописцами как «казни от бога», или как «попущение божье».

Возможно, что эпидемия 1286 г. стояла в какой-то связи с употреблением воды, и не исключено, что это была эпидемия кишечных инфекций. Была ли она занесена к нам татарами с востока или поляками с запада, сказать невозможно. Нужно отметить, что в 1286 г. русские князья вместе с татарами сделали опустошительный набег на Польшу, где в этом году свирепствовала какая-то, точно не описанная повальная болезнь, занесенная из Франции и Богемии.

---

²⁴ Там же. С. 109–115.

²⁵ Густинская летопись. С. 346.

²⁶ Ипатьевская летопись. С. 212.

²⁷ Прибавление к Ипатьевской летописи. С. 347.

Глава 3. Эпидемии «черной смерти» (XIV век)

Среди эпидемий, когда-либо посещавших человечество, пандемия «черной смерти» в XIV веке занимает совершенно исключительное место. Это была самая грозная пандемия из всех описанных в истории культурных народов.

Оглушительным взрывом разразилась она над всем миром в XIV веке и была величайшим бедствием, оставившим глубочайший след в умах не только современников, но и людей, живших много лет спустя после нее.

Эпидемиографы прошлых веков связывают появление «черной смерти» с рядом необычных явлений в природе: землетрясениями, наводнениями, засухой.

В 1331 г. по всей Южной и Западной Европе прошли сильные ливни. На острове Кипр дождь шел в течение 20 суток, от наводнения здесь погибло около 8000 человек. В Ирландии в то же время был неурожай. В Китае сильные засухи повлекли за собой ужасный голод. Следом за засухами прошли сильнейшие ливни, вызвавшие наводнения, от которых будто бы погибло 400 000 человек. Большие наводнения имели место в Европе в 1324 г. Массовые заболевания с ужасающей смертностью наблюдались в Индии.

Трудно сказать, какое значение имели эти катастрофы в природе для распространения «черной смерти», однако несомненно, что вызванный ими голод подготавливал почву для распространения эпидемий.

В Европе в это время шли непрерывные войны, разорявшие народ, заставлявшие население сбегаться под защиту городских стен, скапливаясь в городах.

К этому нужно прибавить еще ужасное антисанитарное состояние городов. Долгое время существовал обычай выбрасывать все нечистоты прямо на улицу. Уборных не существовало, и еще в XVI веке кучи человеческих экскрементов можно было найти на балконах королевской резиденции – Лувра. Первая очистка Парижа была произведена в 1662 г. и это событие так поразило современников, что по его поводу была выбита специальная медаль.

Русь стонала под гнетом татарского ига, многие города были разорены. Князья, заботясь только о расширении своих уделов, вели нескончаемые междоусобные ссоры и войны с соседями. Народ страшно обнищал и часто голодал.

Все это, несомненно, создавало почву для быстрого распространения эпидемических болезней. Вопрос о том, где впервые появилась чума и как она распространилась во время страшной пандемии «черной смерти» в XIV веке, до сих пор остается неразрешенным. Большинство авторов прошлых столетий считают, что болезнь была занесена в Европу из Азии. Но современные исследователи указывают, что, вероятно, в Европе с незапамятных времен существовали природные очаги чумы. Поэтому, по их мнению, важнейшим фактором пандемического распространения болезни в Европе в XIV веке было широкое освоение человеком больших степных массивов. Однако это не исключает также возможности заноса чумы и с азиатского континента. Это кажется вполне правдоподобным, так как Средиземное море было местом интенсивного торгового судоходства, и, следовательно, чума могла быть легко завезена в торговые города Европы, как с крысами, так и с больными.

Путешественник де-Мюсси писал, что в 1346 г. в Причерноморье «вымерли бесчисленные племена татар и сарацинов от неожиданной и необъяснимой болезни... огромные пространства земли опустели, наиболее населенные города почти обезлюдели». Де-Мюсси жил в то время в Крыму. Татары осадили г. Каффу (Феодосию), принадлежащий генуэзцам, но в течение 3 лет не могли его взять, так как среди осаждавших появилась смертельная эпидемия, ежедневно уносившая множество жертв. Татары посредством метательных орудий стали перебрасывать в осажденный город трупы людей, умерших от болезни. В городе началась паника, и итальянцы, бросив его, бежали к себе на родину. Далее де-Мюсси пишет, что по дороге среди

беженцев началась ужасная эпидемия: из тысячи осталось в живых не более 10 человек: «Родные и друзья, и соседи поспешили к нам... но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы свой смертный яд». Не будем спорить о достоверности описанных де-Мюсси фактов.

Вопрос о возможности бациллоносительства при чуме в настоящее время оспаривается, и хотя Стронг, Корсенти, Н. А. Гайский описали случаи носительства чумной палочки совершенно здоровыми людьми, тем не менее такая возможность распространения чумной инфекции изучена еще недостаточно.

Не исключено, что у спутников де-Мюсси был уже инкубационный период болезни или они перенесли в дороге легкую форму чумы. Возможно также, что на кораблях генуэзцев прибыло и большое количество чумных крыс. Но для нас важно другое, а именно, что чума в 1347 г. появилась в Италии, в 1348 г. распространилась во всех прибрежных городах Средиземного моря, а затем, подобно степному пожару, охватила весь европейский континент. По свидетельству современников заболевания протекали главным образом по типу легочных поражений, бубонная форма болезни встречалась очень редко. Это позволяет предполагать, что и распространение чумы во время этой пандемии происходило в основном по типу распространения легочной чумы. Этим можно объяснить и массовый характер эпидемий, и быстроту их распространения по территории европейских стран.

Опустошение, произведенное «черной смертью», было ужасным. По данным Геккера (Haesker, 1832), на которого обычно все раньше ссылались, в Европе от «черной смерти» умерло 25 млн человек. Однако эта цифра, по-видимому, сильно преувеличена, так как Геккер исходил из весьма приблизительного подсчета общего населения Европы.

По данным же Б. В. Урланиса (1941), от «черной смерти» в Европе погибло около 14–15 млн, или 1/5–1/6 часть населения. Но и эта цифра свидетельствует о колоссальном опустошении. Достаточно сказать, что по расчетам того же Урланиса, потребовалось не менее 110–120 лет. Для того, чтобы число населения в европейских странах достигло прежнего уровня.

Слухи о больших эпидемиях где-то на юге, в прикаспийских странах и Причерноморье, проникли и в русские летописи, но о времени их появления указания летописцев противоречивы. В Никоновской и Воскресенской летописях они отнесены к 1346 г., в Псковской I – к 1348 г., а в Новгородской IV о них упоминается дважды – первый раз в 1346 г. и второй раз в 1350 г. Сопоставляя эти сведения с указаниями западноевропейских наблюдателей, можно думать, что наиболее достоверными являются свидетельства Воскресенской летописи. В ней содержится довольно подробное описание этого мора: «Того же лета казнь бысть от бога на люди под восточную страну на город Орначь (при устье р. Дона), и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездежь (на рукаве Волги), и на прочие грады во странах их; бысть мор силен на Бесермены (хивинцы) и на Татары, и на Ормены (армяне) и на Обезы (абхазцы), и на Жиды, и на Фрязы (генуэзцы и венециане в колониях на побережьях Черного и Азовского морей), и на Черкасы, и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати»²⁸.

Следовательно, судя по этим сообщениям, «черная смерть» в 1346 г. свирепствовала на устьях Дона, в отдельных местностях Поволжья, на Кавказе, по побережьям Каспийского, Азовского и Черного морей.

Относительно начала эпидемии на Руси мнения историков расходятся. По Рихтеру и Геккеру, «черная смерть» появилась на Руси в 1351 г., Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев относили начало этой эпидемии к 1352 г.

В Псковской II и Никоновской летописях болезнь эта упоминается под датой 1351 г., а в Псковской I и в Новгородских I и IV – 1352 г.²⁹

---

²⁸ Летописи: Псковская II. С. 14; Никоновская. С. 196; Новгородская I. С. 85; Новгородская IV. С. 60; Псковская I. С. 190.

²⁹ Воскресенская летопись. С. 210.

На основании имеющихся исторических источников решить спор о годе первого появления «черной смерти» на Руси нет возможности.

Однако известно, что распространение болезни началось с Пскова. Это вполне объяснимо, если учесть оживленные торговые сношения Пскова с Западной Европой, где в это время уже свирепствовала чума.

В летописях (Новгородские I и IV, Псковская и Никоновская) имеются довольно подробные сведения о появлении и движении этой эпидемии.

Новгородская летопись так описывает начало этого «мора» в Пскове: «Того же лета бысть мор зол в граде Пскове и по селам, смерти належаша мнози; мроша бо люди, мужи и жены, старый и младый, и дети, и попове, и чернци и черницы»³⁰. В панике, не зная и не видя никаких мер для защиты от этого бедствия, псковитяне обратились в Новгород, к архиепископу Василию с просьбой «в недостатке всех средств к отвращению сей божеской казни» посетить Псков, отслужить там молебен и благословить город. Архиепископ прибыл в Псков в конце мая, обошел город и через несколько дней отправился обратно в Новгород, но по дороге умер от «черной смерти». Новгородцы устроили ему торжественные похороны, привлекавшие толпы народа, и через короткое время в Новгороде чума свирепствовала с не меньшей силой, чем в Пскове. «Той же осени бысть мор силен в Новгороде и в Ладозе... вниде смерть в люди тяжка и напрасна, от Госпожина дни паче же и до Велика дни»³¹.

В Пскове, следовательно, «черная смерть» свирепствовала летом, в Новгороде же от 15 августа («Госпожин день») до Пасхи («Велик день»).

Чума быстро распространилась по Руси: «Не во едином же Новеграде бысть сие, но по всем землям... Того же лета бысть мор силен в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове, и в Суждале, и во всей земле Русстей... и бысть страх и трепет велий на всех человецех. В Глухове же тогда ни един человек не остана, вси изомроша; сице же и на Белеозере».

•Смертность во время этой эпидемии была очень большая: «И не бе где погребати мертвых... все убо бяше могилы новые...и мног плач и рыдание во всех людех бе, видяше друг друга скоро умирающе, и сами на себя тоже ожидающие».

По описанию в Новгородской летописи, в Пскове попы не успевали отпевать покойников поодиночке: «Попове бо не можаху проводить по единому из дворов за множество умирающих...но веляху комуждо мертвыя своя на церковный двор приваживать, об ночь (за ночь) бо умершим утре обреташеся до 30 или боле скопится у единой церкви, а всем тем один провод, отпеваху надгробную песнь... и тако полагаху и по 3 или по 5 голов во един гроб; такоже бяше по всем церквам, и негде уже бяше погребати умерших, все бо могиле въскопано бяше, ини и подале от церкви и опрочь церкви могиле на целых местах въскопавше погребяху».

По мнению летописцев, болезнь эта пришла из Индии: «Некотории же реша тот мор из Индейской земли, от Солнцеграда» (Гелиополь).

В летописях довольно точно описываются клинические формы легочной и бубонной чумы, наблюдавшиеся в описываемое нами время: «Болезнь же бысть сицева: прежде яко рога-тиною ударит за лопатку, или под груди, противу сердца, или меж крил, и тако разболевся человек, начнет кровию хракати и огонь зажжет и разворит, и потом пот велий пойдет, тоже потом дрожь имет, и полежав день един или два, а ретко того кто бы полежал три дни, и тако умираху»³². «В лето 6863 (1360) бысть в Пскове вторый мор лют зело; бяше тогда со знамение: егда кому где выложится железа, то вскоре умираше»³³. «А еже железую боляху, не одинако:

---

³⁰ Новгородская IV летопись. С. 60.

³¹ Там же. С. 62

³² Никоновская летопись. С. 3.

³³ Псковская I летопись. С. 191.

иному убо на шии, иному же на стегне... иному же под скулою, иному же за лопаткою; и умираху на день человек инода до седмидесяты, а иногда по сту, а иногда до полутора ста»³⁴.

Судя по описаниям, можно думать, что чума в этот период носила смешанный (легочный и бубонный) характер. В 1363 г. эпидемия охватила Новгород, Переяславль, Казань, Коломну, Владимир, Суздаль, Дмитров, Можайск, Вологду и окрестности Москвы. Смертность была огромной – умирало от 70 до 150 человек в день.

В 1364 г. снова разразился мор: «Бысть мор велик в Новгороде, в ижном, и на все уезде его... хрхаку людие кровию и инии железюю юлезноваху день един, или два, или три дни мало... и се бе по вся дни и не успеваху живыа мертвых погребати, умираху бо на день по пятидесят и по сту человек и болше... Того же лета мор бысть в Переславли... не токмо же в граде Переславли было сие, но и по всем властей и селом и монастырем Переславским... а преже того был мор в Новгороде в Нижнем, а пришел от низу, от Бездежа, в Новгород в Нижний, а оттуду на Рязань и на Коломну, а оттуду в Переславль, а оттуду на Москву, и тако разыдеся во все грады... и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можаяск, и на Волок и во все грады разыдеся мор силен и страшен... и бысть скорбь велиа по всей земли, и опусте земля вся и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимыа»³⁵.

Эпидемия 1364 г., очевидно, являлась продолжением эпидемии 1360 г. В то же время летописец описывал и сильнейшую засуху: «Того же лета бысть сухмень велиа по всей земле, и вздух куряшеса и земля горяще»³⁶.

В последующие годы снова голод и мор. В 1365 г. – голод и мор в Ростове, Твери, Пскове, Торжке, Москве, в Литве.

В 1373 г. «зной велици, и дождя сверху ни едина капля не была во все лето; а на кони и на коровы и на овцы и на всяк скот был мор велик. Потом же прииде на люди мор велик по всей земле Русской. В 1375 г. – «мор на люди и на скот в Твери и в Киеве». В 1377 г. – страшные морозы и «мор бысть в Смоленске»³⁷.

Более точных сведений о характере «мора» в Твери, Киеве и Смоленске в летописях нет, но большинство исследователей считают, что это была чума.

В Европе чума господствовала в 1360, 1361, 1369, 1372 и 1382 гг. Гюи де Шолиак сообщал об эпидемии 1360 г., что она появилась в Германии и в середине следующего года дошла до Авиньона. Летом 1361 г. она достигла своего кульминационного пункта; во многих местах вымерло более половины всего населения. Затем болезнь перебросилась в Польшу. В Кракове умерло от нее около половины всех жителей, среди них – все преподаватели тамошнего университета.

В 1361 г. чума свирепствовала в Ломбардии, Павии, Венеции, Падуе, Парме, Пьяценте. В 1363 г. почти полностью были опустошены Торн, Грауденц, Неймарк. В 1368 г. чума распространилась в Англии. В 1371 г. болезнь снова появилась в Польше, в 1374 г. – в Италии: Генуе, Болонье, Милане, Павии, Пьяценте и др.

Затихнув на 8 лет, чума вновь вспыхнула в Европе в 1382 г. Таким образом, чума опустошала Европу на протяжении нескольких десятилетий.

Происхождение этих эпидемий неясно. С точки зрения современных взглядов можно думать, что они были связаны с местными очагами болезни и эпидемии «черной смерти» второй половины XIV века и возникали не за счет заноса «заразы» откуда-то извне, а источники их находились в это время на территории самой Европы.

---

³⁴ Никоновская летопись. С. 3.

³⁵ Никоновская летопись. С. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ Цитируется по Эккерману. С. 24; Новгородская IV летопись. С. 303 и 306.

Многочисленные описания «мор» в эти годы сохранились и в русских летописях. В 1387 г. был «мор» в Смоленске, в живых осталось только пять человек: «Только выйдоша из города 5, человек, город затвориша...»³⁸. В 1388 г. эпидемия распространилась на Псков и Новгород: «А во Пскове бысть мор, на мясной недели, и в великое говение, и через всю весну, и в Петрово говение, а знамение бысть ово железоу, ово хракъ кровию»³⁹.

Следовательно, и этот «мор» был чумою, ибо летописи четко указывают, что мор этот был «железоу».

В 1389 г. «Бысть же мор в Пскове, якоже не бывал таков: где одному выкопали гроб, ту пятеро и десятеро голов в един гроб вложиши»⁴⁰. В 1393 г. «зима бысть студена велми, и мрази нестерпимы, и множество без числа людей и скот изомроша»⁴¹.

В 1396 г. татары осадили Москву, но через две недели бросили осаду. Причиной внезапного снятия осады была, вероятно, эпидемия, разразившаяся в войске татар. На это указывает Никоновская летопись: «Тое же осени бывшу царю Темир Аксаку на Ординских местах... прииде на него гнев божий... мор силен на люди и на скоты»⁴².

Этим заканчиваются в летописях сведения об эпидемиях в XIV веке.

В связи с огромными эпидемиями «черной смерти» в XIV веке возникают впервые противоэпидемические мероприятия. Их появлению предшествовало накопление наблюдений и возникновение мысли о «прилипчивости» (заразности) болезней, вызывающих эпидемию, о возможности заражения через соприкосновение с вещами умерших или лицами, бывшими с ними в тесном общении.

Уже в 1350–1352 гг. при описании мора летописец рассказывал: «Аще бо кто, что у кого возмет, в той час неисцелно умирает. Мнози же послужити хотяше умирающим, и тии скоро неисцелно умираху, и того ради мнози отбегающе послужити умирающим»⁴³.

Подобные же указания содержатся и в IV Новгородской летописи: «Кто аще кому отдаваху остаток живота своего, или детей, то и те такоже мнози на борзе разболевшеся умираху. Си же видяще инии бояху ся преимати от умерших тех животов, страхом смертным омрачавшися безумнии, своих сродник отвращахуся тогда»⁴⁴.

По словам Гезера, ни один из очевидцев «черной смерти» в Европе не сомневался в ее заразительности.

К XIV веку относится появление первых карантинных домов. Впервые они возникли в Венеции, где в 1348 г. были построены специальные дома, в которых в течение сорока дней выдерживались все приехавшие из пораженных болезнью мест. Отсюда произошло и название карантинных (итальянское *quarantena*, от *quaranta giorni* – сорок дней).

В качестве профилактической меры врачи рекомендовали также «очищать» воздух или по возможности скорее уезжать или уходить из зачумленной местности. Для очистки воздуха применялись большие костры, зажигаемые на площадях, на улицах и даже в жилищах. Папа Николай в своем дворце в жаркие летние дни днем и ночью поддерживал огонь такого костра.

Пользовались большой популярностью и всевозможные профилактические диетические предписания, ограничивавшие или рекомендовавшие те или иные сорта пищи и напитков.

На Руси в XIV столетии на пути предполагаемого движения заразы стали выставлять костры. Так, в 1352 г. в Новгороде в связи с эпидемией чумы горожане просили владыку «костры нарядить в Орехова». Сопровождались ли эти меры также запрещением приезжать

³⁸ Новгородская II летопись. С. 95; по Никоновской летописи осталось в живых 10 человек (с. 93).

³⁹ Новгородская IV летопись. С. 96.

⁴⁰ Псковская I летопись. С. 194.

⁴¹ Никоновская летопись. С. 154.

⁴² Там же. С. 162.

⁴³ Там же. С. 224.

⁴⁴ Новгородская IV летопись. С. 61.

в город из пораженных болезнью мест, т. е. были ли эти «костры» заставами, сказать сейчас трудно.

Возможно, что эта мера была своеобразной предшественницей широко распространенных в следующее столетие застав и засек.

«Черная смерть» вызвала в Европе вспышку массового религиозного фанатизма. Понятно, что огромную роль в происхождении его играло духовенство, церкви и монастыри, в казну которых рекой полились приношения. Церковь извлекала из «черной смерти» и политическую выгоду, стараясь укрепить свое уже начинающее колебаться доминирующее положение.

Вспышка религиозного фанатизма, подогреваемого агитацией духовенства, повлекла за собой своеобразную психическую эпидемию, так называемый гайслеризм – братство самобичевателей. Эта секта впервые возникла в 1260 г. – в Италии. В период 1348–1349 гг. братства самобичевателей распространились по Германии, Франции, Швейцарии, Нидерландам. Приверженцы этой секты толпами путешествовали по стране, переходя из города в город, из селения в селение. Придя в какой-нибудь город, одетые лишь в одну рубашку и украшенные крестом, они направлялись в церковь или собор и там публично подвергали себя немилосердному бичеванию. Иногда, будучи недовольны результатами самобичевания, отдельные сектанты прибегали к услугам палача. После этого самобичевания один из сектантов зачитывал собравшейся толпе письмо, «которое ангел положил на алтарь св. Петра в Иерусалиме, где сам бог призывал людей к покаянию». После этой проповеди следовал доклад о ходе чумной эпидемии, о ее причинах и даже о методах борьбы с ней⁴⁵.

Нередко проповедь заканчивалась призывом к еврейским погромам. Волна жесточайших погромов началась в Шильоне (Швейцария), на берегу Женевского озера, в 1348 г. Отсюда она распространилась по всей Швейцарии (Берн, Фрейбург, Базель), перекинулась в Эльзас-Лотарингию, южную и прирейнскую Германию.

На Руси в то время еврейских погромов не было и, по всей вероятности, потому, что громить было некого – евреев на Руси тогда было очень мало. Обвинение в сеянии заразы возводилось на Руси на «ведьм», «ведунов», «колдунов» и татар. В Пскове в конце XIV века во время чумной эпидемии было сожжено одиннадцать «вещих женок».

---

⁴⁵ Гезер. История повальных болезней. СПб., 1867. Ч. 2. С. 154.

Глава 4. Эпидемии и борьба с ними на Руси в XV–XVI веках

В XV–XVI веках заканчивался длительный и сложный процесс сбора русских земель вокруг Москвы, ликвидации феодальной раздробленности страны, образования централизованного русского государства. Усиление власти московских князей вело к ослаблению зависимости русского народа от татаро-монгольских поработителей. В России, писал Энгельс, «покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»⁴⁶.

В 1480 г. Русь полностью освободилась от татаро-монгольского ига, душившего русский народ в течение почти двух с половиной веков. Намечается новый подъем производительных сил страны. Оживают старые города, возникают новые поселения городского типа. Устанавливаются непосредственные торговые связи с западноевропейским рынком через Белое море. Усиливается торговля с восточными странами.

Создание мощного централизованного государства, укрепление экономических и политических связей явились стимулом для создания общерусской культуры. Воскрешаются традиции богатой и многогранной культуры Киевского периода. Обновляются и восстанавливаются памятники древнерусского зодчества. В Москве и других городах русского государства ведутся обширные строительства каменных церквей и палат, совершенствуется укрепление городов. На основах народного деревянного зодчества в XVI столетии вырабатывается новый национальный стиль, постройка шатровых храмов.

Развивается живопись, прикладное искусство (художественное шитье, ювелирное дело, резьба по дереву). Вводится книгопечатание, создается богатая светская литература, появляется свод общерусской истории.

В противоположность мнению зарубежных и русских буржуазных авторов, писавших о Московской Руси как о стране сплошного варварства и дикости, есть все основания утверждать, что по своему культурному уровню Русь того времени отнюдь не уступала западноевропейским государствам. О высоком для своего времени общекультурном уровне Руси XVI–XVII столетий убедительно свидетельствуют благоустройство русских городов, мероприятия по их очистке и водоснабжению, а также описания жизни и быта населения.

По данным Арциховского, Тихомирова, Фалковского, в древнерусских городах еще в первый период их истории уделялось большое внимание благоустройству и поддержанию чистоты. В Москве деревянная мостовая существовала еще до XIV века. В XVI веке есть указание о появлении каменной мостовой. «Торговища» (рынки) русских городов регулярно очищались от мусора и «конского кала».

Благодаря сравнительно просторной застройке и обилию зелени русские города отличались относительной чистотой в противоположность западноевропейским городам, антисанитарное состояние которых поражало русских путешественников.

Первый водопровод в русских городах появляется в XI–XII веках. Раскопки, произведенные Арциховским, показали существование в Новгороде XI века целой системы водопроводных сооружений. Водопровод был сооружен из деревянных труб, тянувшихся на большое расстояние, и имел специальные смотровые колодцы, обеспечивающие чистку системы в случае засорения ее. Для сравнения укажем, что первый водопровод в Германии был построен в Нюрнберге в XV веке.

Об общекультурном уровне Московской Руси XV–XVI веков свидетельствует также ряд бытовых деталей, например широкое распространение бань, известных на Руси еще в глубокой древности. Так, в летописи есть указание о постройке в 1089 г. каменной, очевидно, обще-

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XVI. М., 1937. С. 450.

ственной бани в Переяславле. О любви русских мыться и париться в бане часто упоминают иностранцы, побывавшие в Москве в XV–XVII веках (Олеарий, Мейерберг). Бани были не только на княжеских и боярских дворах, но и среди дворовых построек отдельных домохозяев. Сохранилось описание роскошных мылен, устраиваемых в царских дворцах и домах бояр. Бань было в Москве так много, что в XVII веке Борис Годунов только от них и купален собрал огромную по тому времени пошлину 1500 рублей!

Мытье в бане сопровождалось обязательной сменой белья, так как «чистое мытие и частое переменение платия вшам множитса не дает» (Вертоград XVII века). Известно было на Руси и употребление мыла, по крайней мере в лечебнике XVI века хвалят одну траву, потому что «пена от нее исходит аки от мыла». Качество мыла высоко ценилось, ибо «от мытия мыльного тело чистое живет»⁴⁷.

Особое внимание уделялось соблюдению чистоты при приготовлении пищи, так как, по существующим тогда мнениям, от загрязнения пищи и «всякого незрелого овоща» у человека случаются болезни и могут появиться «внутренние глисты». Поэтому Домострой поучал столовую и кухонную посуду всегда тщательно чистить, мыть горячей водой, просушивать.

Фальковский, описывая Москву XVI–XVII столетия, отмечает: «Заслуживает внимания широкое применение ледников при жилых домах, тем более при больших поварнях для хранения скоропортящихся продуктов и напитков».

Анализируя древнерусские миниатюры, Богоявленский обнаружил множество изображений предметов быта и домашнего обихода, известных и употребляемых сейчас. Так, еще к XIII веку относится появление кроватей в виде невысокого удлиненного ящика, обращенного дном кверху, четырехугольных подушек, столовой посуды. Сохранились многочисленные изображения столов, табуреток, скамей, ложек, ножей, чаш, ковшей, солонок, кубков. Издавна существовал обычай мыть руки перед едой и пользоваться полотенцем⁴⁸.

Сравнительно высокого уровня развития достигли в Московской Руси медицинские знания. Но, говоря о состоянии медицины в то время, нужно различать народную медицину, обслуживавшую широкие круги населения тогдашней Руси, и дворцовую, обслуживавшую особу царя и узкий круг его приближенных.

Презирая выходцев из народа и не доверяя им, правящие круги выписывали для своего обслуживания врачей-иностранцев. В большинстве случаев это были случайные люди, авантюристы, привлекаемые возможностью наживы. Русские люди отрицательно относились к ним, и нередко даже высокопоставленные лица предпочитали лечиться у своих, русских лекарей. Иностранцы не оказали сколько-нибудь заметного влияния на развитие русской народной медицины. Количество их на Руси было невелико, да и, чуждаясь русских, они не желали передавать им свои знания. Переводы же из западноевропейской медицинской литературы в виде «Вертогладов» или «Прохладных вертогладов» появились на Руси только в XVII–XVIII веках и едва ли были доступны лекарям из народа.

Профессия врача или лекаря существовала на Руси, очевидно, очень давно. Так, среди экспонатов Государственного исторического музея в Москве есть страница одного из монастырских уставов XII века, в котором записано: «Надо, чтобы был или свой врач или всегда живущий в монастыре... В случае внезапного недуга и требующего скорого лечения – беда, если врач не придет тотчас, подавая больному исцеление... И надо, чтоб врач приготовил различные мази и пластыри; и другие лекарства подобает приготовить, которые выдает хранитель, чтобы, когда кому потребуется, он мог бы тотчас получить нужное».

В лавочной книге Новгорода Великого 1583 г. среди перечня медицинской литературы, из имеющихся тогда профессий, упоминается также лекарь, причем упоминается также одна

---

⁴⁷ Фальковский И. И. Москва в истории техники. М., 1950.

⁴⁸ Богоявленский Н. А. // Гигиена и санитария. 1948. № 3.

лекарица Наталья Клементьевская. Лавки лекарей располагались в Новгороде в переулке «к рыбному и к свежему ряду»⁴⁹.

Довольно рано на Руси появились больницы. Факт существования светской больницы в Новгороде засвидетельствован русско-немецким договором еще в 1346 г.

Рядом с лавками лекаря в русских городах располагались лавки «зелейников», которых большинство авторов рассматривают как своеобразных аптекарей.

Одной из интереснейших особенностей древнерусской народной медицины было самое широкое применение всевозможных растительных «зелей» для лечения больных. В лечебнике XVII века только при малярии рекомендуется 55 всевозможных «зелей», но было бы неправильно думать, что арсенал народной медицины ограничивался только ими, известно также, что применялись ртуть, сера, нефть, селитра⁵⁰.

Аптеки европейского типа появились впервые на Руси в XVI веке, в 1581 г. в Москве была устроена первая царская аптека, обслуживающая царя, его семью и царский двор.

В 1672 г. при царе Алексее Михайловиче была открыта вторая, «новая» аптека, которая должна была продавать «всякие лекарства всяких чинов людям по указной книге», в «указной книге» устанавливались цены отпускаемых лекарств. Одновременно с открытием второй аптеки издан указ, запрещающий частным лицам торговать лекарствами и монополизировавший эту торговлю в пользу казны.

В то же время, говоря о развитии производительных сил страны в веках, о расширении торговли, о росте могущества Московского государства и о сравнительно высокой культуре и развитии медицинских знаний, нельзя забывать, что в связи с централизацией политической власти в руках самодержавия и усиления класса феодалов усиливается эксплуатация крестьян. В интересах дворянства, являвшегося опорой самодержавия, в XVI веке юридически оформляется прикрепление крестьян к земле. Наряду с возвышением и обогащением феодальной верхушки дворян и купцов происходит разорение массы крестьян и горожан.

Все это не могло не сказаться на общей эпидемической обстановке в стране и было причиной широкого распространения инфекционных болезней, частых «гладов» и «моров».

В 1402 г. был «мор в Смоленске на люди», в 1403 г. – мор в Пскове «железою» («И пришел мор от немец из Юрьева»), в 1406 г. – снова «мор железом» в Пскове, его волостях и пригородах, в 1408 г. – новая вспышка чумы, но в легочной форме: «Мор каркотою по всей русской земле и множество христиан изомроша от глада»⁵¹.

В 1409 г. опять «мор», носивший особый характер: «Руки и ноги прикорчит, шею скрипит, зубы крежешут, кости хрустят, все суставы трещат, кричит, вопит, и мысль изменится, ум отнимается, иные один день поболевши умирали, другие – полтора дня, некоторые 2 дня, а иные поболевши 3–4 дня выздоравливали»⁵².

В 1414 г. «Болезнь была Кристианам тежка зело, костолом по всей земле русской».

Сопоставив описание «мора» 1409 г. и «костолома» 1414 г., можно прийти к заключению об идентичности этих заболеваний. Изложенная летописью симптоматика: ломота в суставах, судороги («зубы крежешут, кости хрустят»), затемнение сознания («мысль изменится», «ум изменится») – заставляет думать о поражении центральной нервной системы. Но неизвестно, сопровождалась ли болезнь большой летальностью.

Вряд ли это была чума, ибо чуму летописцы характеризуют как «мор железом» или «мор каркотою». Можно, конечно, думать о септической форме чумы. Известно, однако, что эта форма встречается крайне редко и притом всегда лишь как вариант при наличии легочной или

⁴⁹ См. статью Морозова Н. Н. в: *Врачебное дело*. 1952. № 3.

⁵⁰ См. статью Богоявленского П. А. в: *Врачебное дело*. 1948. № 7.

⁵¹ Никоновская летопись. С. 16.

⁵² Там же. С. 212.

бубонной формы. Кроме того, характерной особенностью этой формы чумы являются кровоизлияния – почти черные петехии или кровоподтеки и кровотечения (носовые, легочные, кишечные и т. д.). Несомненно, летописцы не прошли бы мимо этих бросающихся в глаза симптомов. Скорее всего, это был грипп. О подобных эпидемиях в Западной Европе в это время сведений нет.

С крайней интенсивностью чума свирепствовала в 1417 г. в Пскове, Новгороде, Владимире, Ладозе, Твери, Дмитрове, Торжке. При этом были описаны как легочные, так и бубонные формы. Летописец сообщает: «В лето 6925 (1417)... мор бысть страшен зело на люди в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Ладозе, и в Русе, и в Порхове, и в Торжку, и в Твери, и в Дмитрове, и по властем и по селам. И толико велик бысть мор, яко же живии не успеваху мертвых погребати, ниже довольна бываху здравии болящим служити, но един здравии десятерым, или дватцатерым болем служаше; и на всех тех местах умираху толико на всяк день, яко не успеваху здравии мертвых погребати до захожения солнечного и многа села пусты бяху, и во градех, и в посадех, и едва один человек или детище живо обреташеся; толико серп пожа человеки, аки класы, и быша дворы величии и силнии пусты... Болезнь же сицева бысть: преже яко рогатиной ударит за лопатку человека, или противу сердца, или под груди, или промежи крыл, или в паху, или под пазуху, и разболевся человек, начнет кровию хракати, и огонь разжет и посем пот имет и потом дрожь имет; и тако похожаше по всем суставам человеческий недуг той; железа же не едина бяше; иному на шеи, иному на стегне, иному под пазухую, иному под скулою, иному за лопаткою, иному в паху. и на инех местех... В Новежегороде, и во Пскове, и в Торжку и во Твери обещашеся людие обеты многими и во един день по многим местам церкви срубиша, и поставиша, и свящаша и литургисаша»⁵³.

Как мы видим, Никоновская летопись довольно подробно описывает и распространение, и клиническую картину «мора». Эта картина не оставляет сомнений, что болезнь была не чем иным, как легочной и бубонной формами чумы.

Почти также описан этот мор в Воскресенской летописи: «В лето 6925 (1417)... тоя же зимы люди от мрза изомроша; студена бо была зима велми. В то же лето бысть мор страшен в людях в Новгороде, и в Ладозе, и в Русе, и в Порхове, и во Пскове, и в Торжку, и в Твери, и в Дмитрове, и по властем их. Болезнь же сицева бысть людей: преже яко рогатиною ударю за лопатку, или противу сердца, под груди и промеж крил, и разболевся человек, начнет кровью хракати, и огонь разжет, посем пот имет, потом дрожь имет и учнет ходити по всем суставам человеческим недуг той; железа же не идначе: иному на шеи, другому на стегне, овому под пазухую или под скулою или за лопаткою, и в паху, и на иных местах»⁵⁴.

Новгородская летопись, говоря о распространении мора, перечисляет те же города, что и две предыдущих: «... в лето 6925... И како могу сказати беду ту страшную и грозную, бывшую в сей мор... на всяк день умираху толко, яко не иогребати их; а дворов много затвориша без люди и преже яко рогатиною ударить и явится железа, или начнет кровию хракати, и потом дрожь имаеть и огонь разжет, по всем суставам человеческим естственный недуг походить; и в той болезни мнози, лежав изьмроша»⁵⁵.

Софийская летопись говорит об этом море кратко: «В лето 6925. и зима бысть студена велми, многие люди изомроша мором»⁵⁶.

Из сравнения описания мора 1417 г. разными летописями можно сделать вывод о довольно точных указаниях ими как географического распространения, так и клинической картины болезни. Выражения, употребляемые различными летописцами при описании

---

⁵³ Там же. С. 225.

⁵⁴ Никоновская летопись. С. 232–233.

⁵⁵ Воскресенская летопись. С. 89.

⁵⁶ Новгородская летопись. С. 107.

болезни, настолько схожи, что возникает мысль о существовании уже специальной медицинской терминологии.

Сильнейшая эпидемия поразила Русь в 1419–1420 гг. Она опустошила Ярославль, Суздаль, Киев, Переяславль, Галич, Ростов, Кострому и другие города; не пощадила она и Москвы. К болезни присоединился ужасный голод – некому было убирать хлеб на полях: «Стояше жито на нивах пусты, жати некому... и бысть глад по великому том мору... О мало людей во всей Русской земле остана от мору и от меженины». О характере этой эпидемии сказать что-либо трудно, так как в летописях описание клинической картины совершенно отсутствует. Имея ввиду ее связь с голодом, можно предположить, что это был сыпной тиф.

В 1422 г. «глад бысть велик по всей земле Русской... и мнози людие помроша з голоду, а инии из Русии в Литву изыдоша, а инии на путех с глада и з студена помроша, бе бо зима студена велми, инии же и мертвыя скоты ядыху, и кони, и пси, и кошки, и кроты, и люди людей ядоша»⁵⁷.

В 1424 г.: «Того же лета в Немцех, и в Литве, и во Пскове, и в Новгороде, и во Твери, и на Москве, и по всей Русской земле нача мор быти железюю, и охрак кровию, и умираху человеци и бысть туга и скорбь велиа по всей земли»⁵⁸. Следовательно, эпидемия охватила не только Русь, но и Западную Европу.

Новгородская летопись под записью 1424 г. говорит о море в Карелии: «И мор бысть в Корсельской земли. Того же лета мор бысть в Новгорода железюю и храк кровию»⁵⁹.

В 1425 г. также «во всех местах мор бысть велик зело... С Троицина днии мор велик бысть на Москве, а пришел от Немец в Псков, а оттоле в Новгород и до Тверь и на Москву доиде, и на всю землю Русскую»⁶⁰. Вероятно, этот «мор» был продолжением предыдущего (1424 г.).

В 1427 г. на Руси опять был мор, но на этот раз не «железюю», а «прыщем»: «Мор бысть велик во всех градах русских по всем землям, и мерли прыщем; кому умереть, ино прыщ син, и в третий день умираше, а кому живу быти, ино прыщ черлен на долго лежит дондеже выгниет. И после того мору как после потопа толико лет люди не почали жити, но маломочный и худи, и щадушнии начаша быти»⁶¹.

Судя по этому довольно скудному описанию, дело шло не о чуме, а всего вероятнее об оспе: «прыщ син», возможно, относится к геморрагической «черной оспе». По крайней мере В. О. Губерт, специально изучавший вопрос, считает это сообщение одним из первых описаний эпидемий оспы в русских летописях⁶².

Другая летопись относительно этого «мора» говорит короче, но достаточно выразительно: «Мор же велик бысть во всех градах Руских. Мерли прыщом»⁶³.

С 5 декабря 1442 г. и до конца лета 1443 г. в Пскове снова бушевала бубонная чума: «Мряху мужи и жены и младые дети... кому явится железа, то наскоры умираша, а почало мерети кануне Миколина дни зимняго... и мряху все лето»⁶⁴.

Эпидемии продолжали свое шествие, и с 1465 по 1467 г. в Пскове и Новгороде снова свирепствовал мор – вероятно, чума, ибо этот мор был «железюю». Эпидемия 1467 г. в Новгороде известна под именем «Симеоновского мора». Названа она так потому, что для борьбы с ней «в един день» и «всем градом» была выстроена церковь «во имя Симеона – богоприимца».

---

⁵⁷ Никоновская летопись. С. 238.

⁵⁸ Там же. С. 239.

⁵⁹ Новгородская I летопись. С. 110.

⁶⁰ Никоновская летопись. С. 3.

⁶¹ Там же. С. 7.

⁶² Губерт В. О. Оспа и оспопрививание. СПб., 1896.

⁶³ Софийская II летопись. С. 143.

⁶⁴ Псковская I летопись. С. 259.

Конец XV века также ознаменовался сильнейшими эпидемиями. В 1478 г.: «Бысть мор в Великом Новгороде: мряхут бо мужи и жены и малые детки, выкоплют яму одну, ино в ту яму положат 2 или 3 или 10 человек в одну яму»⁶⁵.

Подобная же эпидемия имела место в Пскове с 1486 по 1487 г.: «Того же лета бысть мор во Пскове: мряху мужи, и жены, и малые дети по пригородам и по волостем»⁶⁶

Чтобы избавиться от мора, псковитяне «в един день» выстроили церковь, но «мор не преста», и в следующем году снова была выстроена церковь. Что эта была за болезнь, сказать трудно, так как в летописях описания болезни нет, но на основании хронологических данных можно предположить, что это была чума, занесенная из Западной Европы, где она свирепствовала в 1449, 1473 и 1482 гг.

Можно согласиться с мнением Эккермана, что «Псковская эпидемия была бубонная чума, и если наши источники ни слова не говорят о ее симптомах, то объясняется это, быть может, тем, что эта некогда столь страшная и удивительная болезнь сделалась обыкновенной, хотя и не менее опасной». Однако мы должны оговориться, что в это время в Европе уже свирепствовала загадочная болезнь, известная под именем «английской потницы». Она впервые появилась в Англии в 1483 или 1485 г. и дала 5 эпидемических волн: 1483–1485, 1506, 1516–1518, 1529–1530 и, наконец, 1551 гг.

В течение нескольких дней она охватила всю страну, а около середины сентября проникла в Лондон. Опустошения, ею произведенные, были ужасающи: 99 % больных умирало. Один автор писал, что она была «... настолько остра и ужасна, что со времени существования рода человеческого никто не запомнил ничего подобного». Эпидемия продолжалась до октября 1485 г. и затем исчезла так же внезапно, как и появилась. В 1506 (1507) г. вспыхнула новая и еще более убийственная эпидемия, а в начале июля 1518 (1516) г. – третья. Большое количество людей умирало в течение нескольких часов. Эпидемия свирепствовала в течение августа и сентября в Лондоне, откуда распространилась по всей Англии. Она унесла от 1/3 до 1/4 всего населения. В стране возникла паника. Английский король Генрих VIII, в страхе опасаясь болезни, странствовал из города в город.

Четвертая эпидемия (1529–1530) возникла в Лондоне в конце мая. Она буквально терроризировала жителей города, вся жизнь приостановилась. За короткое время болезнь унесла более 100 000 жертв. Из Лондона она перекинулась в Гамбург, оттуда в Померанию, Пруссию, Силезию, Данию, Швецию, Норвегию, Литву, Россию, Польшу, Германию. В последней особенно пострадал г. Аугсбург, где за 3 месяца было 15 000 заболеваний и 800 смертных случаев.

Пятая и последняя эпидемия вспыхнула в Англии столь же внезапно, как и первая.

Общее количество жертв – неизвестно (в Лондоне в течение нескольких дней погибло 960 человек). По Гезеру, во многих местах вымерла половина всего населения. Из заболевших выздоравливало не более 2–3 %, причем продолжительность болезни измерялась часами.

Вопрос об этиологии этого заболевания еще не разрешен. Ряд авторов (Гезер, Г. Ф. Вогралик) указывают на сходство английской потницы с гриппом. Однако нужно учесть удивительное постоянство клинической картины гриппа. Так, за два последних столетия, во время которых многократно и подробно были описаны эпидемии этой болезни, ее симптомы почти не изменились. Поэтому неожиданное появление совершенно новой формы гриппа, так резко отличающейся от всего ранее известного, а затем полное исчезновение ее труднообъяснимо.

Указаний на появление эпидемии «английской потницы» на Руси в веке в летописях обнаружить не удалось. Если же «английская потница» и была на Руси, то несколько позднее, уже в XVI веке. XV век, однако, ознаменовался появлением на Руси проказы.

---

⁶⁵ Там же. С. 267.

⁶⁶ Губерт В. О. Оспа и оспопрививание. СПб., 1896.

Рихтер, ссылаясь на одну летопись Московского архива Министерства внутренних дел, указал, что историки упоминают в первый раз о проказе в XV столетии, «замечая при этом, что сия болезнь посетила Россию в конце 1462 года». Имеется тем не менее достаточно оснований предполагать, что проказа на Руси существовала гораздо раньше XV века. При оживленных отношениях Киевской Руси с Византией, имевших место уже в X веке, трудно допустить мысль, чтобы проказа не проникла на Русь из Византии, где она была широко распространена. Оживленные торговые и военные отношения Руси с Западной Европой также заставляют думать о более раннем появлении проказы на Руси. В Европе же болезнь эта была известна издавна. Во Франции уже около 880 г. были открыты лепрозории. Широко распространилась проказа в Европе начиная с XI века, чему способствовали передвижения огромных людских масс на Восток во время Крестовых походов. Первый из этих походов, как известно, имел место в 1096 г. С 1096 до 1291 г. – времени окончательной сдачи Иерусалима и бегства крестоносцев из Палестины, на протяжении почти 200 лет, было семь Крестовых походов. «Семь раз огромная масса людей без всяких санитарных предосторожностей передвигалась сухим путем и водой из Западной и Южной Европы в Палестину через Малую Азию и через Египет – места, в достаточной мере, пораженные проказой» (Вогралик).

Не удивительно, что в результате этих походов проказа в средние века стала одной из распространеннейших болезней в Европе. Около 1300 г. заболеваемость там достигла своей высшей степени, затем эта болезнь постепенно стала утрачивать свой эпидемический характер, и в конце XVII века стала стихать. Так, в 1664 г. во Франции по распоряжению короля Людовика XIV за отсутствием больных закрыт последний лепрозорий.

В конце XV века впервые на Руси описан сифилис. Первый официальный документ, свидетельствующий о его появлении в пределах русского государства, относится к 1499 г. Это наказ русскому послу в Литве Мамонову, в котором, между прочим, говорится: «Спокойно ли между польскою и помянутыми державами? Так же спросить в Вязме, не проезжал ли кто из Смоленска с тою болезнью, что боляски мечутся? А слово французская, а будто в Вильне ее привезли».

Самуил Коллинз, придворный врач царя Алексея Михайловича, писал в 1667 г., что сифилис занесен в Россию из Польши во время войны с поляками (1444–1500).

Нет, однако, возможности установить, когда именно появился сифилис в России: «Сифилис вообще принимался за золотуху, порчу, а иногда просто за ничто»⁶⁷.

Во всяком случае первое упоминание о сифилисе в летописи относится к 1493 г.: «Явился у Польши новая немощь, глаголемая Франца, ю же некая жена, ходяще на отпусты, принесе в Риму до Кракова»⁶⁸.

В этой же летописи под датой 1287 г. говорится: «Володимеру же Васильковичу, князю Вольтинскому... болну сущу... рана неисцелимая... лежашу в болести 4 лета, болезнь же сице скажем: нача ему гнити исподняя устна, перваго лета мала, втораго, третьего болно нача гнити... исходящу же четвертому лету, и наставше зиме и нача болми немочи и опада ему все мясо с бороды, и зубы и сподняя выгниша вси, и челюсть бородна перегни, и бысть видети гортань; и не вкушая по седмь недель ничего же».

Л. Ф. Змеев по поводу этого описания отмечал: «Можно, пожалуй, допускать, что то была болезнь, впоследствии названная французской»⁶⁹. С этим утверждением, однако, трудно согласиться, так как известно, что сифилис впервые описан в Европе лишь в 1494 г. Густинская летопись упоминает о французской болезни («Франца») в 1493 г., болезнь же князя была либо проказой, либо туберкулезом.

⁶⁷ Кузнецов М. Проституция и сифилис в России. СПб., 1871. С. 68–69.

⁶⁸ Густинская летопись, служащая прибавлением к Ипатьевской. С. 360.

⁶⁹ Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896. С. 124.

Начало XIV века знаменуется в России рядом сильнейших эпидемий.

В 1506 г. «Бысть мор в Пскове зол велми, мряху бо мужи, и жены, и малые деи, и по приходом, и по волостем; и тот мор безыменной, мряху бо людей много»⁷⁰. В 1507 г. «Бысть мор зол велми в Новгороде»⁷¹.

Псковский и Новгородский «мор» 1506–1508 гг. был чумою. Это явствует из нижеследующего описания, имеющегося в Новгородской летописи: «Бысть мор в Великом Новгороде; помре железюю людей 15 396 человек»⁷².

В 1508 г. чума снова свирепствовала в Пскове: «Бысть во Пскове мор велик, нача от месяца июля и до Христова рожества, яко и воеводам градским, и сановником из града, плача ради людского и страха ради смертнаго, вон выехати, кайждо в селах и местех тайных краяхуся и живяху»⁷³.

Эта эпидемия (1506–1508) в России некоторыми историками (Рихтер, Эккерман) ставится в связь с чумой, свирепствовавшей в Германии, Голландии и Италии с 1500 до 1508 г. В 1502 г. город Кельн сильно пострадал от «истинной чумы», Саксония, Тюрингия и Мессина страдали от каких-то «чумоподобных» эпидемий с 1514 до 1520 гг.

В летописях с 1508 по 1521 г. никаких указаний на эпидемии не встречается. В 1521 г. сильнейшая эпидемия разразилась в Пскове и Москве. «Мряхут бо мужи и жены и старый и младыя, а от гостей и от лутчих людей без мала вси не изомроша, а Москвичам то бысть посещение божие моровое не обычно, а почали мерети от Ильина дни, а гостей, кто при-мется у кого за живот, и тот весь вымрет (т. е. кто из купцов купит что-нибудь после умерших); и первое почаша мерети на Петровской улицы, у Юрья у Табулова, у свсденого, и князь Михайло Кислица велел улицу Петровскую заперети с обею концов, а сам князь побеже на Руху в паствище»⁷⁴.

О каком «море» здесь идет речь, сказать трудно. Хронологически этот мор совпадает с эпидемией английской потницы, которая, по мнению некоторых историков, пробралась в Россию в 20–30-х гг. одах XVI века. Распоряжение князя Михайлы Кислицы «запереть» улицу является первым указанием о применении в России внутренних карантинных мер. Меры, очевидно, не ограничивались только «запиранием» улицы, а принимался целый ряд оградительных мероприятий. Так, в послании старца Филофея из Псковского монастыря к дьяку Михаилу Мунехиу (около 1510–1519 гг.) написано: «Вы ныне пути заграждаете, дома печатлеете, попом запрещаете к болящим приходити, мертвых тела из града Далече измещете»⁷⁵.

Интересно указать, что во Франции, считающейся родиной внутренних карантинных мер, они стали применяться только в конце XVI столетия.

В 1522 г снова мор в Пскове: «Того же лета... бысть мор во Пскове много дворов вымерло и стояли пусты; и в одну скудельницу (братую могилу) мертвых положили десять тысяч и полторы тысячи»⁷⁶.

Дальнейшие сведения о повальных болезнях мы встречаем под датами 1527 и 1530 гг. В 1527 г. «бысть в Великом Новеграде мор зело страшен в Деревской пятине в деревнях», в 1530 г. «на Кольване мор был». Более подробных сведений об этих эпидемиях в летописях нет. Однако в 1530 г., по описаниям Брензона, в Лифляндии была большая эпидемия «англий-

⁷⁰ Псковская I летопись. С. 281.

⁷¹ Софийская I летопись. Продолжение. С. 24.

⁷² Новгородская III летопись. С. 244.

⁷³ Софийская II летопись. С. 289.

⁷⁴ Псковская I летопись. С. 294.

⁷⁵ Дополнения к актам историческим. Т. I. СПб., 1846. № 23. С. 20.

⁷⁶ Цит. по Эккерману. С. 38 и 39.

ской потницы», унесшей в могилу будто бы 2/3 всего населения страны⁷⁷. Поэтому А. Е. Сегал считает, что мор 1530 г., так же как и 1521 г., был эпидемией английской потницы⁷⁸.

Нужно удивляться, почему эпидемия не распространилась вглубь страны и ограничилась только Новгородскими землями.

Следующее описание морового поветрия мы встречаем в 1532–1533 гг.: «Бысть мор во Пскове: мряху бо мужи и жены и младия дети»⁷⁹.

В 1533 г. «той же осени бысть в Великом Новегороде, месяца октября, нача явитися на чловецех вред, яко прыть, и тем начаше мнози чловецы умирати, и бысть поветрие не мало... а не стало от того поветрие мужеска полу и женска тысяча человек и множая». Судя по краткому описанию, это была не чума, а оспа «вред... яко прыщ»⁸⁰. Известный историк оспы и оспопрививания В. О. Губерт так и рассматривал эту эпидемию.

Сильнейшая эпидемия разразилась на Руси в 1552 г. Она захватила Псков, Новгород, Смоленск и ряд других городов. В Пскове «с сьдмаго четвергя октября до 7 числа положиша в скудельницу 4800 и 8 сот и покопаша, и после того в месяц и 3 дни ноября до 9 числа положиша в новую скудельницу 2700 и 7-сот и покопаша: мроша тогда многие простые люди железою... и в год положили в скудельницах 25 000...»⁸¹.

Не менее сильной эта эпидемия была в Новгороде: «В лето 7060 (1552) июля в 30 день, нача смертоносие быти в Великом Новеграде, и с августа велмн силнее бысть;... Таково бысть поветрие от Семеня дни 7061 года до Николина дни месяца декабря Священнаго чина иноков преставися и священников и диаконов безчисленное множество, много еже овдовеша и мнози сами изомроша... яко мнози чловецы древний не запомнят такого поветрия на священнический чин; и всего в поветрие не стало смертосною язвою, в Великом Новеграде, и по маиастырем, и в Старой Русе, и в пригородах и в волостях Новгородских, игуменов и священноинок и инокин и мнишескаго чину»⁸².

Эта эпидемия, как видно из приведенной цитаты, захватила и 1553 г. Под датой этого года Никоновская летопись сообщала: «7061 (1553) бысть во Пскове и Новеграде великое поветрие... и преста поветрие на Николин день»⁸³.

В 1552 г. летописцы сообщают об эпидемии в осажденной Казани. Причиной эпидемии считали плохую воду, которой вынуждены были пользоваться осажденные: «Ини начаша воду копати и не обретоша, но токмо мал поток докопашеся смраден, и до взятья взимаху воду с нужен, от тое же воды болезнь бяше в них, пухли и умирали оны»⁸⁴. О какой болезни здесь идет речь, сказать трудно. Вероятнее всего, это была цинга, связанная не с плохой питьевой водой, а с голодом и авитаминным питанием, сопровождавшими осаду. Цинга в этом же году поразила русский гарнизон крепости Свияжска, основанного Иоаном IV в качестве опорного пункта для нападения на Казань. В 1552 г. гонцы из города Свияжска доносили царю: «По грехом пришла немочь великая на государевы люди, цинга и язва, многие померли, и иные мрут и больны лежат дети боярские, стрельцы и казаки».

По поводу этого донесения Л. Ф. Змеев отмечал: «У нас о цинге упоминается впервые, но нет сомнения, что при тогдашнем способе осады городов она господствовала часто под именем мора» Казанскую эпидемию 1552 г. Л. Ф. Змеев также признавал цингой.

⁷⁷ Brennsohn. Aerzte Livlandi... Mitau. 1905. С. 61.

⁷⁸ Сегал Л. Е. // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 1940. № 6.

⁷⁹ Псковская I летопись. С. 298.

⁸⁰ Отрывок русской летописи по Воскресенскому списку. С. 289 (цит. по Эккерману).

⁸¹ Псковская I летопись. С. 308.

⁸² Новгородская III летопись. С. 251.

⁸³ Никоновская летопись. С. 197.

⁸⁴ Там же. С. 164.

В 1566 г. какое-то эпидемическое заболевание опустошило ряд русских городов. Заболевание это началось в Полоцке осенью: «Тое же осени был мор в Полоцку, много людей вымерло... и был мор до Николина дни, до осеняго, да престал, а на весну прииде мор в Озерище городок, и вымерло много, мало осталось; потом прииде мор на Луки, и в Торопец, и в Смоленск, и по многим местом»⁸⁵. О характере эпидемии можно делать только предположения, но Ф. А. Дёрбек и В. Эккерман указывали, что эта была чума.

В 1567 г. на Руси снова мор: «Был мор в Великом Новгороде от Госпожина заговеня до Николина дни осеняго и далее, а мерло многое множество людей, мужей и жен и детей и чернцов и черниц, такоже и по селом и в Старой Русе; и во Пскове почали мерети тое же осени»⁸⁶.

В 1567–1568 гг. мор в Пскове, Новгороде, Великих Луках и других городах. В 1567 г. в летописи наряду с мором отмечается нашествие грызунов: «Того же лета прииде на Казанские да на Свияжские, да на Чебоксарские места мышь малая, с лесов, что тучами великими единого колоса, да и не токмо полем хлеб поядоша, но и в житницах и в закромах людем же и хлеба не дадуше ясти от множества их; отгоняху от себя метлами и убиваху, но и тем их не можаше отгонити, но паче множае прибываху»⁸⁷.

В 1568 г. «Бысть моровое поветрие в Великом Новгороде и много людей помроша, а которые люди побегоша из града, и тех беглецов имаша и жгоша»⁸⁸.

Упоминание о море в Новгороде в 1570 г. встречается также в летописях. Можно предполагать, что это был сыпной тиф.

По свидетельству историков, разграбление Новгорода и резня, учиненная над его жителями, происходили в январе и феврале 1570 г., опустошения и убийства продолжались шесть недель. В течение этого времени охваченное ужасом население пряталось в подвалах, сараях и т. п. Кроме того, оно голодало, так как Иоанн приказал грабить кельи, служебные дома, жечь в житницах и на скирдах хлеб, бить скот. Естественно, что в этих условиях люди быстро стали жертвою болезней.

В 1592 г. опять «моровое поветрие» в Новгороде: «Бысть мор во Пскове велик язвою, а почали мерети с весны и до осени... и государь прислал с святою водою с Москвы... и с тех мест преста мор»⁸⁹.

В XVI веке по данным летописцев, это были последние эпидемии на Руси. О характере эпидемий сведений нет, но можно думать, что это была чума.

В XVI веке впервые было сделано описание сыпного тифа. Гезер признал его «важнейшей болезнью XVI века». Нужно сказать, что задолго до того, как о сыпном тифе стали писать врачи, он, несомненно, был известен народной медицине, выделявшей «горячечные» заболевания, отличавшиеся отсутствием бубонов, особой сыпью и меньшей, чем при чуме, смертностью. В Италии эти заболевания назывались *petechial* или *petichial* – уменьшительное от «*pestis*» – чума. На Руси их называли «огневицами», «огневиками», «палячками» и пр.

Тиф упоминается в одной рукописи, относящейся к 1447 г. «В этом году в Милане скончалось великое множество людей от неукротимых и неизлечимых лихорадок, причем некоторые из больных сами выбрасывались из окон» (по Гезеру). Сходные заболевания наблюдались в это время во Франции, Германии и Испании во время войны короля Фердинанда I с сарацинами.

---

⁸⁵ Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896. С. 167.

⁸⁶ Псковская I летопись. С. 317.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Дополнение к Никоновской летописи. С. 405.

⁸⁹ Новгородская III летопись. С. 253.

Заслуга подробного описания и выделения сыпного тифа из группы чумоподобных лихорадок принадлежит Джироламе Фракасторо, наблюдавшему эпидемию этого заболевания в городе Вероне в 1505 г. (эпидемия описана многими авторами, как врачами, так и не врачами). Фракасторо описал сыпной тиф под названием «лихорадки, известной под именем дентикула, пунктикула или путикула». По его мнению, эта болезнь занимает среднее место между «истинными» и «ложными» чумными лихорадками. Народ называет ее «дентикула» или «пунтикула» из-за сыпи, имеющей чечевицеобразную форму или напоминающей укусы блох. Болезнь контагиозна, и заражение ею происходит «не на расстоянии, не сразу и не быстро», но путем соприкосновения.

Большинство же врачей XVI века считали сыпной тиф болезнью не контагиозной, а возникающей в связи с голодом, нуждой, неприятностями.

Фракасторо описал также и другие, сходные с сыпным тифом, спорадические заболевания, источником которых является не плохой воздух, а особенности организма: чрезмерная полнота, потливость или иные «неведомые свойства». Эти заболевания, по его мнению, стоят на границе с чумоподобными лихорадками: они сопровождаются сыпью постоянно красного цвета, вместо бреда наблюдается полная потеря сознания или бессонница. Возможно, что в этих случаях речь шла о брюшном тифе. Это тем более вероятно, что Фракасторо указывает на понос, наблюдавшийся при них.

На Руси, согласно указаниям летописцев, сыпной тиф проявлялся в виде эпидемий в XVI веке. В «Летописце русском» под датой 1550 г. говорится: «Которая болезнь горячками называется, а у иных огневою, понеже бо человек в той болезни, что огонь горит, подобно тому, как которая храмина горит, а близ тоя иная стоит, тако от того огня загорается»⁹⁰. В этом описании говорится не о «море», а о «горячке», указывается и на ее заразительность («Храмина горит, а близ тоя иная стоит, тако от того огня загорается»).

«Огневою болезнью» в 1558 г. болел Царь Иван Грозный: «В то время посети немощию царя нашего, прииде огонь велий, сиречь огневая болезнь»⁹¹.

В 1563 г. в Полоцке после долгой осады был мор. По всей вероятности, это был сыпной тиф.

О частоте тифа в Московском государстве свидетельствовал и Герберштейн в своих записках, относящихся к XVI веку. Он писал, что в Москве свирепствует болезнь, которую «москвитяне называют огниво». Сам Герберштейн называл эту болезнь «salog», Гваньини – «огнуова lebris». Герберштейн писал: «У них (москвичей) есть одна болезнь, поражающая голову и внутренности и весьма похожая на заразу; она называется у них калором и от ее умирают в несколько дней. Эта болезнь свирепствовала в нашу бытность в Москве и похитила одного из нашей свиты»⁹².

Надо полагать, что это не была чума, ибо иначе Герберштейн – по своему времени образованный европеец – так бы ее и назвал. Скорее всего, это был сыпной тиф, дававший высокую смертность. Эта высокая смертность от «огневой болезни» позволяет провести аналогию между ней и так называемой «венгерской болезнью», известия о которой относятся к 1542 г. (Лахтин не совсем точно относит первое описание этой болезни и к 1566 г.). Болезнь называлась также «венгерской чумой», «венгерской лихорадкой».

В 1542 г. во время австро-турецкой войны в австрийских войсках вспыхнула эпидемия, жертвами которой стали 30 000 солдат. В 1566 г. эта болезнь широко распространилась и, по сообщению главного доктора австро-венгерской армии, первая вспышка ее наблюдалась в Коморне на Дунае. Отсюда эпидемия под названием «венгерской лихорадки», венгерской

⁹⁰ Летописец русский. Т. V. С. 9.

⁹¹ Царственная книга. М., 1769. С. 336.

⁹² Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. С. 98.

чумы, «венгерской болезни» перебросилась в Италию, Богемию, Бельгию, Францию, Германию, Польшу и Англию. К «венгерской болезни» присоединилась дизентерия. Смертность была очень велика. На улицах и площадях лежали умирающие и умершие от этой болезни. Симптомы «венгерской лихорадки» совпадают с признаками сыпного тифа: сильная головная боль, покрасневшие глаза, бред, петехии, поносы, понижение слуха, мочевые кризы. Длительность болезни 14–20 дней.

В 1597 г. отмечено повое появление этой болезни в Италии.

Что это была за болезнь, и можно ли безоговорочно принять ее за сыпной тиф? Наличие поносов, а также и «присоединение» к ней дизентерии позволяет думать и о брюшном тифе. Во всяком случае, это было тифозное заболевание. Нельзя согласиться с Гезером, утверждавшим наличие там малярии.

«Огневая болезнь», или «огневица», наблюдавшаяся в России, могла быть «венгерской болезнью», занесенной к нам из Германии, Австрии или Польши. Время распространения ее в России совпадает со временем распространения этого заболевания в Западной Европе (1566 и 1568 гг.). В 1568 г. Иван Грозный писал польскому королю, что он в ответ на грубую его королевскую грамоту хотел бы идти на него войной, но помешало моровое поветрие⁹³. Скорее всего речь шла об огневой болезни.

Укажем, что и Л. Ф. Змеев считает «огневку» болезнью, «близкой к брюшному тифу».

О профилактике петехиального тифа в XVI веке в Западной Европе у нас сведений нет. Вогралик отмечает, что она «можно сказать, отсутствовала». Терапия сводилась к отвлекающим средствам в виде мушек на затылок. Следует отметить, что виднейшие врачи XVI века указывали на вред частых кровопусканий при петехиальном тифе.

Среди других эпидемических заболеваний, наблюдавшихся в XVI веке в Европе и на Руси, упомянем, прежде всего, оспу.

По мнению многих авторов (Морозов, Киреев и др.), оспа на Руси впервые появилась в конце XVI или даже в начале XVII века. Приведенное выше сообщение летописцев о море, при котором «мерли прыщем», говорит о том, что оспа появилась на Руси гораздо раньше. И если мы в летописях не встречаем упоминаний о ней, то это, вероятно, объясняется только тем, что оспу считали «обычной» болезнью и летописцы не находили нужным упоминать о ней. Больших эпидемий, опустошавших целые города и области, оспа на Руси в XVI веке не давала. Рассеянные же там и сям отдельные очаги, равно как и отдельные эпидемические вспышки ее, не привлекали к себе внимания ни летописцев, ни путешественников, посещавших Россию.

Упомянем о наблюдавшихся в XVI веке эпидемических вспышках гриппа.

Большие вспышки этого заболевания в Европе имели место в 1510, 1557 и 1580, 1593 гг. В 1557 г. грипп распространился «с Запада на Восток», следовательно, должен был захватить и Русь. В 1580 г. болезнь эта в течение шести месяцев охватила всю Европу, Африку и Азию, произведя местами огромные опустошения. Особенно пострадали Мадрид и Париж (в последнем умерло около 10 000 человек).

Однако в русских летописях никаких указаний о появлении и распространении гриппа найти не удастся, но, принимая во внимание характер распространения гриппа и ход эпидемий во время этой пандемии с запада на восток, можно полагать, что грипп в 1580 г. не пощадил и России. По крайней мере, есть прямые указания об эпидемии гриппа в это время в пограничной Лифляндии (Брензон) и Польше.

Частые эпидемии острозаразных болезней и необходимость борьбы с ними обусловили накопление и формирование эпидемических знаний. Как уже говорилось, после колоссальной пандемии «черной смерти» в Западной Европе и России стали организовываться первые

⁹³ Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. II. СПб., 1896. С. 202.

карантины. При устройстве их исходили, прежде всего, из признания заразительности чумы. «Ни один из очевидцев болезни не сомневался в ее прилипчивости», – отметил Гезер.

То же самое можно сказать и о русской народной медицине. Уже в XIV веке появляется мысль о возможности заражения при соприкосновении с вещами умерших или с лицами, бывшими с ними в тесном общении (Никоновская, IV Новгородская летописи). Однако мистический элемент по-прежнему играл большую роль в объяснении происхождения эпидемий. Поэтому наряду с рациональными противоэпидемическими мероприятиями для прекращения эпидемий нередко прибегали к богослужениям, постройке церквей, заговорам, преследованию «ведьм», а при объяснении причин появления эпидемий – к текстам из священного писания.

Вопрос о причинах и сущности эпидемических болезней вызывал горячие споры между врачами того времени. Разгорелась оживленная словесная война между «контагионистами» и «антиконтагионистами».

Антиконтагионисты вслед за Галеном, смешивали в единое понятия «чума» и «эпидемия», в доказательство ссылались на бога и священное писание. В качестве причин чумы особое значение придавалось божьему гневу, влиянию враждебных созвездий. Использовалось также учение Парацельса об археях и особых определяющих болезнь существах.

Контагионисты же упорно, примерами из трагической практики чумных эпидемий, указывали на заразительность чумы. Первая попытка обосновать теорию контагионистов была сделана Джироламо Фракасторо в книге «О контагии, контагиозных болезнях и лечении», выпущенной им в 1546 г.⁹⁴

На основании опыта борьбы с эпидемиями Фракасторо создает цельное учение о причинах и способах распространения заразных болезней. Под контагиями он понимает особый вид болезней, которые характеризуются передачей заболевания от больного здоровому. В книге рассматривается вопрос о путях передачи заразного начала и дается классификация «контагиев» по способу их распространения. Фракасторо подразделяет все контагии на три группы: а) способные распространяться путем только прямого контакта; б) способные распространяться как при прямом контакте, так и через «очаг»; в) распространяющиеся путем контакта и на расстоянии (через воздух). Под словом же «очаг» Фракасторо понимал «...одежду, вещи из дерева и другие подобные им предметы которые... воспринимают первичные зародыши контагия и таким путем становятся сами по себе источником инфекции».

Трактат «О контагии, контагиозных болезнях и лечении» явился одним из первых обобщений разрозненных сведений о заразных болезнях человека и первой попыткой классифицировать последние, исходя из представлений о путях и способах их передачи.

Неверно было бы, однако, представлять Фракасторо, жившего на рубеже XV–XVI веков, последовательным контагионистом. Известно, например, что наряду с передачей болезни при непосредственном соприкосновении и через предметы он допускал также возможность заражения при одном взгляде на больного. Он писал: «Известен вид гнойной офтальмии; страдающий ею обычно заражает всякого, кто на него взглянет...». Движение контагий, распространяемых на расстоянии, уподоблялось им движению духов. Допускалась возможность поступления контагиев в воздух «...из воды, из болот и из иных источников».

Совершенно в духе времени рассматривал Фракасторо и патогенез болезней, но последовательность взглядов великого врача эпохи Возрождения вполне естественна и объясняется, с одной стороны, уровнем знаний, а с другой – господством системы схоластического мировоззрения, глубоко идеалистического по своей сущности. Такое мировоззрение, правда, было к тому времени сильно расшатано, но далеко еще не отвергнуто.

---

⁹⁴ Книга дважды издавалась на русском языке: в 1896 г. в переводе П. В. Модестова и в 1954 г. под редакцией академика К. М. Быкова с обстоятельными комментариями П. Е. Заблудовского. См. также: *Бессмертный Б. С. Фракасторо и его роль в истории учения об инфекциях // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии*. 1946. № 6; *Заблудовский П. Е. Учение о заразных болезнях и Джироламо Фракасторо*. Там же. 1954. № 9.

Эпидемия чумы в Венеции в 1576 г. подлила масла в огонь затихшей было борьбы между контагионистами и их противниками. Огромное опустошение, произведенное этой эпидемией в Венеции (погибло около 70 000 жителей), объяснялось контагионистами тем, что не были приняты соответствующие карантинные мероприятия. В этом «ослеплении» властей контагионисты обвиняли двух вызванных из Падуи для борьбы с чумой врачей, которые отрицали заразительность чумы, объясняя ее появление спонтанным развитием из «злокачественных» и «чумоподобных» лихорадок. Их противником был контагионист А. Массариа, доказавший, что чума является контагиозным заболеванием, и что метеорологические условия никакого влияния на ее распространение не имеют, подкрепляя это указанием на то, что в противном случае она имела бы повсеместное распространение.

Вскоре, кроме двух враждующих партий, – контагионистов и антиконтагионистов, появилась третья, занимавшая среднюю позицию. В конце концов между партиями было достигнуто соглашение. Были признаны две причины чумных эпидемий: «эпидемическая конституция» и «контагий». Причем предпочтение отдавалось то одному, то другому. Что же касается противоэпидемических мероприятий, то в их проведении исходили в основном из представлений о разных видах заразы, возможности передачи ее как непосредственным соприкосновением, так и через различные предметы, а в отдельных случаях и более сложным путем – через здоровых людей.

Во время эпидемии в Париже в 1533 г. издано распоряжение, запрещающее передавать из дома в дом постельные принадлежности и одежду больного, которые рассматривались как «очаг».

В итальянских городах в середине XIV века учреждена должность портовых надзирателей – «попечителей здоровья» (*proveditori di sanita*), в обязанности которых входило наблюдение за проведением мер по предупреждению заразы. Ту же роль выполняли городские врачи («физики») в городах Центральной Европы.

Во время эпидемии чумы в 1666 г. во Франкфурте было издано постановление, в котором, между прочим, записано:

- 1) граждане, живущие в зараженных домах, должны воздерживаться от посещения общественных рынков и церквей;
- 2) следует заботиться о том, чтобы умершие были похоронены не позже двух дней после смерти;
- 3) цирюльники должны доводить до сведения властей информацию обо всех больных чумой, которых они лечат;
- 4) свиньи, не имеющие пастухов, должны быть проданы хозяевами;
- 5) число гостей во время свадеб должно быть по возможности ограничено;
- 6) пастор, обходящий чумные дома, не должен соприкасаться со здоровыми людьми.

Запрещалось также продавать одежду, и убирать трупы умерших от чумы без окуривания дымом, мойки и проветривания, а также предусматривалось проведение некоторых общесанитарных мероприятий⁹⁵.

В целях личной профилактики от чумы предлагали втирание и применение различных лекарств, мазей, но главным образом проповедовалось и неукоснительно соблюдалось правило: «беги, отступай, уходи» (*Fuge, recede, redi*) или «беги немедленно, отступай подальше, возвращайся позднее» (*Mox luge, longe recede, tarde veni*).

Вполне ясные представления о заразности – «прилипчивости» болезней, вызывающих эпидемии, как известно, возникшие в древнерусской медицине еще в XIV веке, создали почву для появления и формирования на Руси ряда противоэпидемических мероприятий. На дорогах, ведущих в города, где возникало «морозное поветрие», выставляли заставы. Указания о

⁹⁵ Голлендер Е. Медицина в классической живописи. СПб., 1908. С. 18.

заставах встречаются в русских летописях несколько раз. Так, в 1552 г., 10 октября: «Был клич в Новгороде о Псковичех, о гостех (куйцах), чтобы все они ехали вон, часа того, из Новгорода с товаром с каким нибудь: а поймают гостя Псковитина назавтрее в Новгороде с товаром с каким ни буди, ино его выведши за город сжечи и с товаром; а в Новгороде вымут во дворе Псковитина, ино дворника (хозяина дома) бити кнутом, а Псковитина сжечи. И бысть застава на Псковской дороге, чтоб гости с товаром не ездили во Псков, ни изо Пскова в Новгород»⁹⁶.

О сторожах «от мора» и заставах говорится также в 1566 г.: «Лета 1566 сентября в 1 день в Можайску, на Добрейском яму явилось лихое поветрие, умирали люди знаменем; великий государь велел и заставу и сторожу кругом того места учинить крепкую... того же лета в тех местах то лихое поветрие утишилось. И сентября 10-го дня архиепископ писал ко государю, что в Великом Новгороде появилось лихое поветрие на шестнадцати улицах, люди умирают знаменем»⁹⁷.

В 1557 г. во время эпидемии в Пскове были поставлены на заставах сторожа: «а стражи те поставлены стерещи от мору».

За самовольный обход застав жестоко наказывали. Описывая мор в Новгороде в 1521 г., летописец сообщает, что лиц, нарушивших это постановление, приказано было «при многих людях бити батоги нещадно, чтоб ему и иным, на него глядя, впредь как не воровать через заставу ходить, было неповадно».

В пораженном болезнью городе устраивались внутренние карантинные («дома печаташе»... «улицу... заперети с обоих концов»), запрещали священникам приходить к больным, хоронили умерших за пределами города. Так, в 1572 г. новгородский летописец пишет: «Месяца октября 29, в понедельник, в Новгороде которые люди есть на них знамя смертоносное, у церквей погребати не велели, и велели их из Новгорода выносить вон за город, в деревню Водопьяново, за шесть верст по Волхово вниз... и поставиши заставу по улицам и сторожей: в которой улице человек умрет знаменем и те двory запирали и с людьми и кормили тех людей улицею, и отцом духовным покаивати тех людей знаменных не велели; а учнет который священник тех людей каяти, бояр не доложат, ино тех священников велели жесть с теми же людьми з больными»⁹⁸.

Это сообщение летописца свидетельствует: во-первых, о том, что «морское поветрие» (в данном случае чума) считалось контагиозным заболеванием, которое может передаваться посредством здоровых лиц, в данном случае священников, исповедовавших больных; во-вторых, о том, что страх перед эпидемией был так велик, что новгородские власти, которых вряд ли можно упрекнуть в атеизме, решались жесть священников, приходивших в соприкосновение с больными. Н. Я. Новомбергский замечает: «Строгость взыскания за карантинное нарушение не остановилась даже перед чашей с дарами. Приходится только пожалеть, что не всегда светская власть удерживалась на этой трудной позиции и... нередко беспрепятственно позволяла обобщаться для крестных ходов, молебствий и других церковных служб, вследствие чего зараза распространялась с усиленною быстротою»⁹⁹.

Новгородская летопись после только что цитированного сообщения о карантине и о сжигании священников «с теми же людьми з больными» говорит о том, что эпидемия в Новгороде прекратилась: «Месяца ноября в 4, в неделю, в Новгороде, на опришной стороне, государственной послании Григорий Никитич Бормосов спрашивал игуменов и священников и старцев и всех монастырей про мор; и сказали, мору нет нигде». Следовательно, все эти меры принимались с ведома московских властей, а сведения об умерших давали священники.

---

⁹⁶ Новгородская II летопись. С. 155.

⁹⁷ Русская историческая библиотека. Т. III. 1876. С. 282.

⁹⁸ Новгородская II летопись. С. 169.

⁹⁹ Новомбергский Н. Основы борьбы с эпидемиями в допетровской Руси. 1906. С. 3.

Нередко было и бегство из пораженного эпидемией города, и количество убежавших из моровых мест, наверное, во много превышало количество умерших.

Однако беглецы попадали буквально из огня да в полымя, так как на заставах настроено было приказано ловить их и жечь: «...А которые люди побегаша из града и тех беглецов имаша и жгаша».

В заключении следует сказать, что нет никакой необходимости искать истоки проводимых на Руси противоэпидемических мероприятий, заимствования их из-за рубежа, потому что, как и в Западной Европе они появились у нас на основе многовекового опыта народной медицины.

Часть вторая. XVII век

Глава 5. Эпидемия на Руси в XVII веке

Начало семнадцатого столетия в России ознаменовалось рядом эпидемий «моровой язвы».

С 1601 по 1603 г. на Руси был великий «глад» и вслед за ним «мор»: «Бысть же в земле глад велик, такая же бысть беда, что отцы детей своих метаху, а муже жен своих метаху же и мроща люди яко и в прогневание божие так помроша в поветрие моровое, бысть же глад 3 года»¹⁰⁰.

По свидетельству Рихтера, голод не свирепствовал по всей России. Многие области, такие как: Украина, Казань, Астрахань, Устюг, Вятка и пр., не пострадали. Однако люди, кое-как спасшиеся от голода, умирали от «моровой язвы».

В одной только Москве похоронено было 127 000 покойников, не считая погибших в окрестностях города¹⁰¹.

Для борьбы с голодом Борис Годунов приказал привезти хлеб с Поволожья, а для борьбы с мором распорядился отрядить особых людей для погребения умерших: «Царь же Борис повеле мертвых людей погребати в убогих домах и учреди к тому людей, кому те трупы сбирати». «Убогими домами» или «скудельницами» назывались в то время братские могилы, где хоронили тела казненных, людей, умерших в «государевой опале», а также самоубийц и погибших от несчастного случая: «Который человек вина опыется или удавится... или сам себя отравит, или какое дурно над собой учинит, и тех при церкви божией не хронити, а над ними не отпевати, а велети класти их в убогих домех» (описание города Шуи, сделанное во время Иоанна Грозного). Эти «убогие или божьи дома» обычно закапывались по мере заполнения один раз в год. Поэтому-то летописи отмечают как некую особенность, имевшую место лишь во время морового поветрия, быстрое закапывание скудельниц: «...с седьмаго четверга октября... положиша в скудельницу 4800 и покопаше, и после того в месяц и 3 дни ноября до 9 числа положиша в новую скудельницу 2700 и покопаша»¹⁰².

Довольно подробное описание этого голода было сделано голландцем Исааком Масса. Приводим выдержки из этого описания. «В то время... во всей Московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного еще не приходилось описывать ни одному историку. Так что даже матери ели своих детей... ели также мякину, кошек, собак, а от такой пищи животы у них становились толстые, как кооров, и постигала их жалкая смерть; зимою случались с ними странные обмороки и они в беспмятстве падали на землю. И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы, собаки и другие животные. В самой Москве было не лучше: привозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой, и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле и сваливали их туда, как мусор... и когда эти ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые; и те, что подбирали мертвых на улицах и дорогах, брали, что достоверно, много и таких, у коих душа еще не разлучилась с телом, хотя они и лежали бездыханными... и никто не смел подать кому-нибудь на улице милостыню, ибо собиравшаяся толпа могла задавить того до смерти.

---

¹⁰⁰ Никоновская летопись. С. 47.

¹⁰¹ Хилков. Ядро русской истории. Т. III. И., 1799. С. 267.

¹⁰² Псковская I летопись. С. 308.

...На дорогах было множество разбойников и убийц, а где их не было, там голодные волки разрывали на части людей: также повсюду тяжелые болезни и моровое поветрие... и такая дороговизна хлеба продолжалась 4 года почти до 1605 года»¹⁰³.

Буссов писал об этом голоде: «В Москве я видел собственными глазами людей, которые, валяясь на улицах, летом щипали траву, подобно скотам, а зимою ели сено: у мертвых находили во рту вместе с навозом, человеческий кал. Везде отцы и матери душили, резали и варили своих детей, дети – своих родителей, хозяева гостей; мясо человеческое, мелко изрубленное, продавалось на рынках за говяжье; путешественники страшились останавливаться в гостиницах»¹⁰⁴.

Маржерет свидетельствовал: «Голод свирепствовал с такою силою, что, кроме умерших в других городах, в одной Москве погибло от него 120 000 человек. Их похоронили за городом на 3 кладбищах»¹⁰⁵.

Голод увеличивался притоком в Москву большого количества людей из окрестных городов и сел: «Мнози же тогда от ближних градов приидуше к царствующему граду, пропитатися хотяше от милостыни царевы; слава бо велице приходящи о милостыни. И теи убо приходящим такоже погибаху скудости ради пиши»¹⁰⁶.

В 1602 г. разразился мор в Смоленске, куда он, по всей вероятности, был занесен из Литвы или из Польши: «В то же время бысть в Смоленске моровое поветрие, заставыж быша от Смоленска по всему Смоленскому рубежу. Царь же Борис наипаче повеле крепити заставы и прибавиша до Брянска, чтоб никто из Литвы и в Литву не ходил»¹⁰⁷.

Более подробной характеристики этого мора в летописи нет. Мы полагаем, что это был тиф и, вероятнее всего, сыпной, так как разразился он в военном лагере, во время подготовки Дмитрия Самозванца к походу на Москву.

Рихтер на основании показаний приехавшего в Москву в 1602 г. аптекаря Фремчема утверждал, что «зараза эта свирепствовала прежде и осени, в других северных землях». Ею будто бы были поражены Штеттин, Данциг, Вильна, Рига и другие города, причем малые города были совершенно ею опустошены¹⁰⁸.

Гезер указывал, что в 1601–1603 гг. в Северной Европе господствовали «чумоподобные заболевания», а в Италии – «тифозные пневмонии». «Мор» в Смоленске в 1602 г. Гезер, ссылаясь на Рихтера, называет чумой.

Борис Годунов, по сообщению Маржерета, послал в Смоленск 20 000 рублей для помощи «бедным, нуждающимся и недужным».

В 1605 г. во время осады войсками Бориса Годунова города Кром среди солдат, осаждавших город, вспыхнула эпидемия кровавого поноса: «Грех ради прииде под Кромы на ратных людей скорбь велия... нашедшею болезнью поносом на воинство Российское»¹⁰⁹.

Много солдат умерло, и «вся армия вообще ослабела по причине великого числа больных и умерших» (Рихтер). Для борьбы с этой эпидемией по совету врачей царь Борис послал под Кромы из Москвы лекарства: можжевельное вино, уксус, лимоны.

В 1606 г. был «мор» в Новгороде, а в 1608–1609 гг. – в окрестностях Москвы. В Троицко-Сергиевском монастыре в один день было похоронено 860 человек, умерших от «моро-

¹⁰³ *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 59–62.

¹⁰⁴ Сказание современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1. СПб., 1837. С. 3.

¹⁰⁵ Состояние Российской державы и Великого княжества Московского. Сочинения капитана Маржеретта. СПб., 1830. С. 74.

¹⁰⁶ Русская историческая библиотека. Т. XIII. 1891. С. 968.

¹⁰⁷ Никоновская летопись. С. 59.

¹⁰⁸ *Рихтер В.* История медицины в России. Ч. I. М., 1814. С. 382.

¹⁰⁹ Никоновская летопись. Т. VIII. С. 64.

вой язвы»; в ближайших селах за семь с половиной месяцев – 3000 человек. В летописи об этом море говорится кратко: «В Новгороде бысть мор великий»¹¹⁰.

Эккерман считал этот мор чумой, господствовавшей в то время в Швейцарии и Германии. Гезер говорил о сильной чуме, опустошавшей в 1603–1613 гг. Германию, Швейцарию, Францию и Англию. В Лондоне в 1603 г. умерло от чумы 20 000 человек. В Париже в 1606–1608 гг. также сильно свирепствовала чума, унесшая в течение немногих недель 2000 человек.

Возможно, конечно, что новгородский мор 1606 г. был чумой. Что же касается подмосковного «мора» 1608 г., то, принимая во внимание историческую обстановку того времени (начало «смутного времени», польскую интервенцию, осаду войсками Сапеги Троицко-Сергиевского монастыря и т. д.), скорее нужно думать, что это был сыпной, а может быть, и брюшной тиф. Последнее до некоторой степени подтверждается сравнительно небольшой смертностью и местным характером эпидемии.

Следует отметить, что в Троицко-Сергиевском монастыре принимались кое-какие меры для борьбы с эпидемией, вернее, по оказанию помощи больным: «Каждый день великое число больных принимаемо было безденежно, довольствуемое пищею, а слабейшие даже вино получали» (Рихтер).

С 1606 г. и вплоть до 1631 г. сведений об эпидемических заболеваниях на Руси нет, за исключением «отписок» об отдельных незначительных вспышках эпидемических заболеваний. В 1631 г. «бысть мор в Печерах, умерло 1700 людей всяких, от Ильина дни до Рождество Христово»¹¹¹.

В 1630 г. «лазутчики у Нового Городища доносили, что близко до Миргорода вымерло 2 слободы». О каких болезнях в этих случаях шла речь, трудно сказать.

В 1636 г. по случаю «морového поветрия» в Крыму крымские гонцы были не допущены к Москве и подвергнуты карантину в Ливнах и Осколе. Возможно, что речь шла о чуме, свирепствовавшей с 1629 по 1631 г. в верхней и средней Италии, главным образом в Турине, Милане, Вероне Падуе, Венеции, Болонье, Флоренции, а с 1636–1637 гг. в Голландии и на острове Малага.

В 1643 г. отмечена эпидемия «пострела» (сибирской язвы), по каковому случаю были устроены «заставы и засеки». «Всяких чинов людям, помещным и вотчинным сел и деревень крестьянам, с 5 дворов по человеку с рогатины, топоры и заступ... от Вязьмы большие дороги и приселочные и малые стежки и засеки лесом и всякими крепостями укрепить... и на заставах и на засеках и на сторожах, в день и в ночь огни класть непрерывно и беречь накрепко, чтобы из Вязьмы и Вяземского Уезда в Калугу и в Калужский уезд, и в иные не в которые города никто не проехал и не пришел»¹¹².

В 1653 г. в пограничном городе Чернухе «люди все вымерли моровым поветрием». В том же году в городе Вологде с посадами умерло «мужеского полу больших 212, да жен умерло 166, да детей 154 человека, и всего умерло 532 человека». Несколько отступая от хронологической последовательности в изложении, нужно указать, что в XVII веке наблюдались также массовые заболевания цингой. Так, в 1640 г. в Яблонов больным (от «мыту» и на Усерд стрельцам, которые «оцынжали») были посланы вино, уксус и перец. В 1647 г. уксус и перец были посланы в Ольшанский город по случаю болезни «от полевых ветров». В 1644 г. «ратные люди из Севска» послали челобитную, в которой жаловались, что они «оцынжали», а многие больны, а сбитную и уксусу нет»¹¹³.

---

¹¹⁰ Там же. С. 179.

¹¹¹ Псковская летопись. С. 333.

¹¹² Архив Министерства юстиции. Белгородский стол. Столбец № 130 (цит. по Новомбергскому).

¹¹³ *Новомбергский Н.* Основы борьбы с эпидемиями в допетровской Руси. СПб., 1906. С. 15.

Однако все описанные «моры» были лишь прелюдией к грозной эпидемии чумы, разразившейся в России в 1654–1657 гг.

Где началась эта эпидемия и как она распространилась на Москву, не установлено и поныне. Если предполагать, что на территории Европейской России издавна существовали природные очаги чумы, то нег необходимости искать далеких связей с эпидемиями за рубежом или на юге России. Однако В. Н. Федоров, И. И. Рогозин и Б. К. Фенюк указывают, что зона очагов «дикой» чумы не распространяется далее 50° северной широты, что обусловлено климатогеографическими моментами, определяющими условия жизни грызунов и их блох¹¹⁴.

Следовательно, если эпидемии чумы возникали севернее этой зоны, то их нужно связывать с заносом откуда-то извне. Поэтому чаще других страдали от эпидемий пограничные города: Смоленск, Новгород, Псков. Особенность эту подметил уже в начале XVII века Петрей, неоднократно посещавший Русь. Он писал: «Московитяне, находящиеся за Рязанью и в Татарии, вовсе не знают моровой язвы, страдают же от нее лишь близкие к западной границе, а именно: Новгород, Псков, Смоленск и т. д.»¹¹⁵.

На этот раз города у западной границы вначале не были заражены чумой. Эпидемия одновременно с Москвой бушевала в Астрахани и не исключена возможность заноса ее в Москву с Востока.

Эпидемия разразилась в августе 1654 г. Но слухи о ней, очевидно, дошли до московского правительства раньше, ибо уже в июле по распоряжению патриарха Никона царица с семейством выехала из Москвы, выехал и сам патриарх. Царь же по случаю войны с Польшей находился в это время в Смоленске.

---

¹¹⁴ Федоров В. Н., Рогозин И. И., Фенюк Б. К. Профилактика чумы. М., 1938. С. 7–8.

¹¹⁵ Петрей Петр. История о Великом княжестве Московском (1620). Чтения при Обществе истории и древностей российских. 1865. Т. IV.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.